

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права
(наименование института полностью)

Департамент публичного права
(наименование)

40.03.01 Юриспруденция
(код и наименование направлению подготовки / специальности)

Уголовно-правовой
(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Меры уголовно-процессуального принуждения: понятие и виды»

Обучающийся

С.Н. Туракулов

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. мед. наук, Т.В. Моисеева

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Аннотация

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что современное развитие уголовно-процессуального законодательства характеризуется тенденцией гуманизации и дифференциации мер процессуального принуждения, что проявилось во введении в УПК РФ в 2018 году новой меры пресечения – запрета определенных действий. Научная дискуссия вокруг системы мер процессуального принуждения, критериев их классификации, проблем их избрания и применения свидетельствует о незавершенности теоретического осмысления данного института.

Цель исследования заключается в комплексном теоретическом исследовании института мер уголовно-процессуального принуждения, выявлении сущностных характеристик данного института, систематизации знаний о его видах, а также определении проблемных аспектов применения мер принуждения и разработке предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Задачи исследования: определить понятие, сущность и правовую природу мер уголовно-процессуального принуждения; проанализировать основания для классификации мер уголовно-процессуального принуждения и выявить их основные виды; исследовать правовое регулирование задержания подозреваемого как кратковременной меры уголовно-процессуального принуждения; охарактеризовать систему мер пресечения, их специфические черты и проблемы применения; раскрыть особенности иных мер процессуального принуждения и их роль в уголовном судопроизводстве; выявить пробелы и коллизии в законодательном регулировании мер уголовно-процессуального принуждения; разработать предложения по совершенствованию правового регулирования и практики применения мер уголовно-процессуального принуждения.

Бакалаврская работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Теоретические основы мер уголовно-процессуального принуждения	8
1.1 Понятие и правовая природа мер уголовно-процессуального принуждения.....	8
1.2 История развития института мер уголовно-процессуального принуждения в российском законодательстве	13
1.3 Система и классификация мер уголовно-процессуального принуждения.....	19
Глава 2 Характеристика отдельных видов мер уголовно-процессуального принуждения	27
2.1 Задержание как мера уголовно-процессуального принуждения	27
2.2 Меры пресечения в системе мер уголовно-процессуального принуждения.....	34
2.3 Иные меры процессуального принуждения.....	47
Глава 3 Проблемы и перспективы совершенствования института мер уголовно-процессуального принуждения.....	57
3.1 Проблемы применения мер уголовно-процессуального принуждения в современной правоприменительной практике.....	57
3.2 Международный опыт применения мер уголовно-процессуального принуждения.....	64
3.3 Пути совершенствования правового регулирования мер уголовно-процессуального принуждения в российском законодательстве	69
Заключение	76
Список используемой литературы и используемых источников	82

Введение

Актуальность темы «Меры уголовно-процессуального принуждения: понятие и виды» обусловлена особой значимостью института мер процессуального принуждения в современном уголовном судопроизводстве. Данный институт находится на пересечении публичных интересов государства в эффективном уголовном преследовании и конституционных прав граждан, что создает необходимость его постоянного совершенствования.

Статистические данные свидетельствуют о широком применении мер процессуального принуждения в российской правоприменительной практике. Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2023 году судами было рассмотрено более 104 тысяч ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, из которых удовлетворено свыше 89 тысяч [67].

При этом наблюдается значительное количество нарушений прав граждан при применении мер принуждения, что подтверждается практикой Европейского суда по правам человека, который неоднократно указывал на системные проблемы в данной сфере.

Современное развитие уголовно-процессуального законодательства характеризуется тенденцией гуманизации и дифференциации мер процессуального принуждения, что проявилось во введении в УПК РФ в 2018 году новой меры пресечения – запрета определенных действий [75].

Однако практика показывает недостаточную эффективность некоторых мер принуждения: так, личное поручительство и залог применяются крайне редко, а домашний арест вызывает множество вопросов при его практической реализации. Одновременно с этим наблюдается избыточное применение наиболее строгой меры пресечения – заключения под стражу, что противоречит принципу исключительности ее применения.

Проблема обоснованности избрания мер процессуального принуждения также остается острой, что подтверждается позицией Верховного Суда РФ [54], который в своих постановлениях регулярно обращает внимание на необходимость тщательной проверки оснований для применения мер принуждения и недопустимость формального подхода. Кроме того, цифровизация уголовного процесса ставит новые задачи в контексте применения мер процессуального принуждения, включая вопросы использования электронных средств контроля при домашнем аресте и запрете определенных действий.

Научная дискуссия вокруг системы мер процессуального принуждения, критериев их классификации, проблем их избрания и применения свидетельствует о незавершенности теоретического осмысления данного института.

В условиях динамично меняющегося законодательства и правоприменительной практики комплексное исследование мер уголовно-процессуального принуждения приобретает особую значимость для развития теории уголовного процесса и совершенствования правоприменительной деятельности.

Цель исследования заключается в комплексном теоретическом исследовании института мер уголовно-процессуального принуждения, выявлении сущностных характеристик данного института, систематизации знаний о его видах, а также определении проблемных аспектов применения мер принуждения и разработке предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Задачи исследования:

- определить понятие, сущность и правовую природу мер уголовно-процессуального принуждения;
- проанализировать основания для классификации мер уголовно-процессуального принуждения и выявить их основные виды;

- исследовать правовое регулирование задержания подозреваемого как кратковременной меры уголовно-процессуального принуждения;
- охарактеризовать систему мер пресечения, их специфические черты и проблемы применения;
- раскрыть особенности иных мер процессуального принуждения и их роль в уголовном судопроизводстве;
- выявить пробелы и коллизии в законодательном регулировании мер уголовно-процессуального принуждения;
- разработать предложения по совершенствованию правового регулирования и практики применения мер уголовно-процессуального принуждения.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в сфере применения мер уголовно-процессуального принуждения.

Предметом исследования выступают теоретические положения о мерах уголовно-процессуального принуждения, нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие порядок их применения, а также правоприменительная практика в данной сфере.

Методологической основой исследования является диалектический метод познания, позволяющий рассмотреть меры уголовно-процессуального принуждения как динамично развивающийся институт права. В работе также использованы общенаучные методы (анализ, синтез, дедукция, индукция, системный подход) и частнонаучные методы: формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой и статистический. Применение указанных методов позволило провести комплексное исследование темы.

Теоретическую основу исследования составляют научные труды отечественных ученых в области уголовного процесса, посвященные проблемам применения мер уголовно-процессуального принуждения, в частности работы Б.Я. Гаврилова, О.А. Зайцева, К.Б. Калиновского,

М.Т. Аширбековой, Т.К. Рябининой, А.В. Смирнова, Л.А. Воскобитовой, В.Ю. Стельмаха, К.В. Муравьева, И.Г. Смирновой, С.Б. Россинского, В.В. Рудича, Л.Г. Татьяниной и других исследователей, внесших существенный вклад в разработку теоретических и практических аспектов данной темы.

Нормативная база исследования представляет собой систему взаимосвязанных правовых актов различного уровня, регулирующих вопросы применения мер уголовно-процессуального принуждения и обеспечивающих защиту прав участников уголовного судопроизводства.

Нормативную базу исследования составляют Конституция Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, федеральные законы и иные нормативные правовые акты, регулирующие вопросы применения мер уголовно-процессуального принуждения, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, разъясняющие вопросы применения мер уголовно-процессуального принуждения, а также международные правовые акты в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина.

Бакалаврская работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Теоретические основы мер уголовно-процессуального принуждения

1.1 Понятие и правовая природа мер уголовно-процессуального принуждения

Институт мер уголовно-процессуального принуждения является одним из фундаментальных элементов системы уголовно-процессуального права России, играющим важную роль в обеспечении эффективного функционирования правосудия. Законодательное закрепление мер принуждения содержится в разделе IV Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, что подчеркивает их важность и особое место в структуре уголовно-процессуального законодательства. В то же время, несмотря на детальную регламентацию оснований и порядка применения мер процессуального принуждения, в действующем УПК РФ [75] отсутствует легальное определение данного понятия, что создает определенные сложности не только в теоретическом осмыслении данного института, но и в правоприменительной практике.

Сущность мер уголовно-процессуального принуждения неразрывно связана с ограничением конституционных прав и свобод граждан, что обуславливает повышенное внимание к правовой природе данного института. Согласно статье 2 Конституции Российской Федерации, человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. В статье 55 Конституции РФ закреплено положение, согласно которому права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [23]. Именно этими конституционными принципами обусловлен баланс между публичными и

частными интересами при применении мер уголовно-процессуального принуждения.

Обращаясь к сущности данного института, необходимо отметить, что принуждение как таковое представляет собой воздействие на волю субъекта с целью подчинения его поведения определенным требованиям. В контексте уголовного судопроизводства такое воздействие осуществляется уполномоченными государственными органами и должностными лицами в рамках их процессуальных полномочий. Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 22.03.2005 № 4-П указал, что меры процессуального принуждения могут применяться лишь при наличии оснований и в порядке, предусмотренных законом, а их использование не может быть произвольным, поскольку это противоречило бы конституционным принципам справедливости и соразмерности ограничений прав и свобод [51].

Анализируя положения УПК РФ, можно сформулировать определение мер уголовно-процессуального принуждения как предусмотренных уголовно-процессуальным законом средств государственно-правового принуждения, применяемых уполномоченными на то органами и должностными лицами при наличии оснований и в порядке, установленном законом, в отношении участников уголовного судопроизводства, а в исключительных случаях – и иных лиц, для предупреждения и пресечения неправомерных действий указанных лиц, а также обеспечения надлежащего порядка уголовного судопроизводства и исполнения приговора.

Правовая природа мер уголовно-процессуального принуждения определяется несколькими ключевыми аспектами. Во-первых, эти меры имеют государственно-властный характер, поскольку применяются от имени государства специально уполномоченными органами. Согласно части 1 статьи 11 УПК РФ [75], суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель обязаны разъяснять подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, а также другим участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность и

обеспечивать возможность осуществления этих прав. Именно эти органы и должностные лица наделены полномочиями по применению мер процессуального принуждения.

Во-вторых, меры уголовно-процессуального принуждения имеют временный характер. Согласно части 3 статьи 55 Конституции РФ ограничение прав и свобод человека и гражданина допускается только в той мере, в какой это необходимо для достижения законных целей. Это положение находит свое развитие в УПК РФ, где для каждой меры принуждения установлены определенные сроки применения либо условия отмены. Например, согласно части 1 статьи 109 УПК РФ, содержание под стражей при расследовании преступлений не может превышать 2 месяца, а в соответствии с частью 1 статьи 110 УПК РФ, мера пресечения отменяется, когда в ней отпадает необходимость. Важно отметить позицию Верховного Суда РФ, изложенную в Постановлении Пленума от 19.12.2013 № 41, согласно которой решение об избрании меры пресечения должно содержать указание на конкретные фактические обстоятельства, а не быть формальным [54].

В-третьих, применение мер уголовно-процессуального принуждения допускается только при наличии предусмотренных законом оснований. Так, согласно статье 97 УПК РФ, меры пресечения применяются при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый (подозреваемый) скроется от дознания, предварительного следствия или суда, может продолжать заниматься преступной деятельностью, может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу. Наличие таких оснований должно подтверждаться достаточными доказательствами, что неоднократно подчеркивал Верховный Суд РФ.

В-четвертых, меры уголовно-процессуального принуждения носят обеспечительный характер. Их целью является создание необходимых условий для эффективного осуществления уголовного судопроизводства. Согласно статье 6 УПК РФ, уголовное судопроизводство имеет своим

назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод [75]. Именно для реализации этих целей и применяются меры процессуального принуждения.

В-пятых, необходимо отметить право восстановительный характер некоторых мер уголовно-процессуального принуждения. Например, наложение ареста на имущество в соответствии со статьей 115 УПК РФ направлено на обеспечение исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества. Эта мера обеспечивает не только публичные интересы, но и интересы потерпевших от преступления, способствуя восстановлению их нарушенных прав, что соответствует положениям статьи 52 Конституции РФ [23] о том, что права потерпевших от преступлений подлежат охране законом, а государство обеспечивает им доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба.

Существенным признаком мер уголовно-процессуального принуждения является их принудительный характер, выражающийся в ограничении конституционных прав и свобод личности. В зависимости от характера и степени такого ограничения меры процессуального принуждения подразделяются на различные группы. В УПК РФ выделены следующие группы: задержание подозреваемого (глава 12), меры пресечения (глава 13) и иные меры процессуального принуждения (глава 14). Такая дифференциация обусловлена различной правовой природой этих мер, основаниями их применения и процессуальным порядком [13].

Важно отметить, что правовая природа мер уголовно-процессуального принуждения неразрывно связана с принципом презумпции невиновности, закрепленным в статье 49 Конституции РФ и статье 14 УПК РФ. Согласно этому принципу, обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном федеральным

законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Это означает, что применение мер процессуального принуждения не может рассматриваться как форма наказания или признание лица виновным. Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 22.03.2005 № 4-П подчеркнул, что применение мер процессуального принуждения не должно влечь за собой нарушение презумпции невиновности [51].

Особого внимания заслуживает принцип соразмерности при применении мер уголовно-процессуального принуждения. Согласно части 1 статьи 108 УПК РФ, заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения. Этот принцип соразмерности был неоднократно подтвержден Конституционным Судом РФ, который указал на необходимость дифференцированного подхода к избранию мер процессуального принуждения [48] [51] [52] [53].

Следует также отметить международно-правовой аспект правовой природы мер уголовно-процессуального принуждения. Согласно части 4 статьи 15 Конституции РФ [23], общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. В контексте применения мер процессуального принуждения особое значение имеют положения Международного пакта о гражданских и политических правах (статья 9) [30], гарантирующие право на свободу и личную неприкосновенность. Европейский суд по правам человека в своих решениях (например, в деле «Смирнов против России» от 24.07.2003) выработал ряд критериев, которым должно отвечать применение мер процессуального принуждения, в том числе наличие обоснованного подозрения, обоснованность и мотивированность решения о применении меры принуждения, а также соразмерность избранной меры преследуемой законной цели [46].

Таким образом, проведенный анализ позволяет характеризовать правовую природу мер уголовно-процессуального принуждения как сложное правовое явление, обусловленное необходимостью обеспечения баланса между публичными интересами эффективного расследования и правосудия и частными интересами защиты прав и свобод человека. Эти меры применяются строго в рамках закона, при наличии предусмотренных законом оснований, уполномоченными на то органами и должностными лицами, с соблюдением принципов соразмерности и презумпции невиновности, что обеспечивает их легитимность и соответствие конституционным и международным стандартам в области прав человека.

1.2 История развития института мер уголовно-процессуального принуждения в российском законодательстве

Институт мер уголовно-процессуального принуждения имеет давнюю историю становления в российском праве, отражая эволюцию представлений законодателя о балансе между необходимостью обеспечения эффективного уголовного преследования и защитой прав личности. Изучение исторического аспекта данного института позволяет глубже понять его современную сущность и перспективы развития.

Первые упоминания о мерах процессуального принуждения в отечественном праве можно обнаружить еще в древнейших памятниках законодательства. В Русской Правде, первом писаном своде законов Древнерусского государства, хотя и отсутствовала систематизированная регламентация мер принуждения, уже содержались нормы, предусматривающие ответственность за противоправное причинение вреда личности и имуществу. В данном документе упоминалась такая мера, как «гонение следа» – своеобразная форма розыска лица, совершившего преступление. При этом задержание подозреваемого осуществлялось, как правило, частными лицами, а не представителями власти.

Более детальное развитие институт мер процессуального принуждения получил в период формирования централизованного государства. В Судебниках 1497 и 1550 годов [65] [66] появляются нормы, регламентирующие такие меры принуждения, как «поруки» (прообраз современного поручительства) и «крепкие поруки» (более строгая форма поручительства). Судебник 1550 года также установил, что подозреваемые в «ведомом лихом деле» (тяжком преступлении) могли содержаться в тюрьме до окончания разбирательства. Эти положения можно рассматривать как первые законодательные нормы, регулирующие меры пресечения [66].

Значительное развитие институт мер уголовно-процессуального принуждения получил в Соборном Уложении 1649 года – первом систематизированном своде законов России. В нем более детально регламентировались вопросы заключения под стражу, поручительства, а также вводились имущественные меры обеспечения явки обвиняемого. Важно отметить, что Соборное Уложение устанавливало возможность освобождения, обвиняемого под поручительство «добрых людей», что свидетельствует о дифференцированном подходе к применению мер принуждения уже на этом историческом этапе [62].

Период правления Петра I ознаменовался принятием ряда нормативных актов, существенно повлиявших на развитие уголовно-процессуального права России. В частности, в «Кратком изображении процессов или судебных тяжб» 1715 года, являвшемся частью Воинского устава, содержались нормы, регламентирующие основания и порядок заключения под стражу [68]. Согласно данному документу, заключение под стражу могло применяться при наличии серьезных подозрений в совершении лицом преступления, а также в случаях, когда существовала опасность побега обвиняемого. Важно подчеркнуть, что в петровском законодательстве впервые появилось требование обоснованности применения наиболее строгих мер процессуального принуждения.

Существенный шаг в развитии института мер уголовно-процессуального принуждения был сделан в период правления Екатерины II. «Наказ комиссии о составлении проекта нового Уложения» 1767 года, хотя и не был принят в качестве действующего законодательства, содержал прогрессивные идеи о необходимости соблюдения прав обвиняемого и умеренности при применении мер принуждения. В частности, в «Наказе» указывалось, что «содержание под стражей есть наказание, которое от всех других наказаний тем разнится, что по необходимости предшествует судебному объявлению преступления», и поэтому должно применяться с осторожностью [33].

Качественно новый этап в развитии института мер уголовно-процессуального принуждения связан с судебной реформой 1864 года. Устав уголовного судопроизводства 1864 года существенно модернизировал и систематизировал порядок применения мер процессуального принуждения. В нем были закреплены такие меры пресечения, как отдача под надзор полиции, отобрание вида на жительство или обязательство о явке к следствию и не отлучке с места жительства, отдача на поруки, взятие залога, домашний арест и заключение под стражу. Важно подчеркнуть, что Устав уголовного судопроизводства устанавливал принцип соразмерности при избрании мер пресечения. Так, согласно статье 421 Устава, судебный следователь при избрании меры пресечения должен был принимать во внимание тяжесть улик, вероятность уклонения обвиняемого от следствия, состояние здоровья обвиняемого, пол, возраст и положение обвиняемого в обществе. Данные положения свидетельствуют о стремлении законодателя обеспечить индивидуализированный подход к применению мер процессуального принуждения [82].

После Октябрьской революции 1917 года институт мер уголовно-процессуального принуждения претерпел существенные изменения. Декрет СНК РСФСР «О суде» от 24 ноября 1917 года [37] упразднил судебную систему, существовавшую в Российской империи, и заложил основы нового

советского судопроизводства. В первые годы советской власти меры процессуального принуждения регламентировались преимущественно подзаконными актами, а их применение нередко носило внесудебный характер. Однако уже в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1922 года была предпринята попытка систематизации мер процессуального принуждения. Кодекс предусматривал такие меры пресечения, как подписка о невыезде, поручительство личное и общественных организаций, залог и заключение под стражу. Следует отметить, что УПК РСФСР 1922 года [80], несмотря на общую идеологическую направленность, в определенной степени воспринял принципы дореволюционного законодательства в части применения мер процессуального принуждения.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 года, заменивший предыдущий, сохранил основные положения, касающиеся мер процессуального принуждения, но уточнил основания и порядок их применения. В частности, была более детально регламентирована процедура избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. Согласно статье 158 УПК РСФСР 1923 года, заключение под стражу применялось лишь по делам о преступлениях, за которые могло быть назначено лишение свободы на срок свыше года, а также в случаях, когда подозреваемый не имел постоянного места жительства или скрывал свою личность. Эти положения свидетельствуют о стремлении законодателя того времени установить определенные ограничения на применение наиболее строгой меры пресечения [79].

Существенные изменения в регламентации мер уголовно-процессуального принуждения произошли с принятием Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 года. В данном нормативном акте впервые на общесоюзном уровне был сформулирован принцип применения меры пресечения в виде заключения под стражу только по судебному решению или с санкции прокурора. Это положение было важным шагом в обеспечении законности при применении наиболее строгой

меры пресечения. Основы уголовного судопроизводства 1958 года также закрепили систему мер пресечения, включавшую подписку о невыезде, личное поручительство или поручительство общественных организаций, заключение под стражу и другие меры, предусмотренные законодательством союзных республик [38].

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 года, принятый на основе союзного законодательства, содержал более детальную регламентацию мер процессуального принуждения. В нем были закреплены такие меры пресечения, как подписка о невыезде, личное поручительство, поручительство общественной организации, залог, заключение под стражу и передача на попечение несовершеннолетнего. Кодекс также предусматривал применение иных мер процессуального принуждения: обязательство о явке, привод, временное отстранение от должности [76]. Важно отметить, что УПК РСФСР 1960 года действовал с многочисленными изменениями и дополнениями вплоть до принятия УПК РФ 2001 года, что свидетельствует о его адаптивности к меняющимся социально-политическим условиям.

В 90-е годы XX века, в период становления новой российской государственности, институт мер уголовно-процессуального принуждения претерпел значительные изменения. Это было связано с принятием Конституции Российской Федерации 1993 года, закрепившей приоритет прав и свобод человека и гражданина, а также с влиянием международных стандартов в области прав человека. Одним из ключевых изменений стало введение в 1992 году судебного контроля за арестом и содержанием под стражей. Федеральным законом от 23 мая 1992 года № 2825-1 в УПК РСФСР 1960 года были внесены изменения, предусматривающие возможность обжалования в суд ареста или продления срока содержания под стражей [36].

Принятие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 года ознаменовало новый этап в развитии института мер уголовно-процессуального принуждения. УПК РФ значительно расширил перечень мер пресечения, включив в него домашний арест, который ранее был исключен из

УПК РСФСР 1960 года. Кроме того, УПК РФ установил исключительную компетенцию суда по избранию таких мер пресечения, как заключение под стражу и домашний арест, а также по применению ряда иных мер процессуального принуждения. Эти изменения существенно усилили судебный контроль за применением мер процессуального принуждения и способствовали повышению уровня защиты прав обвиняемых и подозреваемых [75].

В последующие годы институт мер уголовно-процессуального принуждения продолжал развиваться. Важным этапом стало принятие Федерального закона от 18 апреля 2018 года № 72-ФЗ [35], которым в УПК РФ была введена новая мера пресечения – запрет определенных действий. Эта мера предусматривает возможность установления судом определенных запретов в отношении подозреваемого или обвиняемого, что создает дополнительные возможности для индивидуализации процессуального принуждения. Кроме того, были внесены изменения, касающиеся порядка применения и условий исполнения мер пресечения в виде залога, домашнего ареста и заключения под стражу, направленные на обеспечение более эффективной реализации данных мер и защиты прав обвиняемых и подозреваемых.

Анализ исторического развития института мер уголовно-процессуального принуждения в российском законодательстве позволяет выявить основные тенденции его эволюции. Во-первых, наблюдается постепенное расширение перечня мер процессуального принуждения, что свидетельствует о стремлении законодателя создать более гибкую систему обеспечительных мер, соответствующую различным ситуациям и категориям дел. Во-вторых, отмечается усиление судебного контроля за применением мер процессуального принуждения, что отражает общую тенденцию к повышению роли суда в обеспечении законности и обоснованности ограничения прав граждан. В-третьих, прослеживается последовательное развитие принципа соразмерности при избрании мер процессуального принуждения, требующего

учета тяжести преступления, личности обвиняемого и иных обстоятельств дела [81].

Таким образом, история развития института мер уголовно-процессуального принуждения в российском законодательстве отражает эволюцию представлений о балансе между публичными и частными интересами в уголовном судопроизводстве. От относительно простых форм обеспечения явки в суд, существовавших в древнерусском праве, до сложной и дифференцированной системы мер процессуального принуждения в современном законодательстве – этот институт прошел долгий путь развития, впитывая как отечественный опыт, так и международные стандарты в области защиты прав человека. Современное состояние данного института является результатом многовекового развития российского права и отражает стремление законодателя обеспечить эффективное функционирование системы уголовного судопроизводства при максимальном уважении прав и свобод личности.

1.3 Система и классификация мер уголовно-процессуального принуждения

Система мер уголовно-процессуального принуждения является одним из важнейших компонентов уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, обеспечивающим надлежащий ход уголовного судопроизводства, выполнение задач расследования и рассмотрения уголовных дел, а также охрану прав и законных интересов участников процесса. Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации структурно разделяет меры процессуального принуждения на три основные группы, что отражено в разделе IV УПК РФ: задержание подозреваемого (глава 12), меры пресечения (глава 13) и иные меры процессуального принуждения (глава 14).

Задержание подозреваемого представляет собой кратковременную меру процессуального принуждения, применяемую органом дознания, дознавателем, следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления.

Согласно статье 92 УПК РФ, после доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю в срок не более 3 часов должен быть составлен протокол задержания, в котором делается отметка о том, что подозреваемому разъяснены права, предусмотренные статьей 46 УПК РФ. Особенность задержания как меры процессуального принуждения заключается в том, что оно может применяться только к лицу, подозреваемому в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, и лишь при наличии оснований, предусмотренных статьей 91 УПК РФ. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» указывается, что задержание не может быть произвольным, поскольку это нарушает права человека на свободу и личную неприкосновенность, гарантированные Конституцией РФ и международно-правовыми актами [54].

Вторую группу мер процессуального принуждения составляют меры пресечения, определяемые в теории уголовного процесса как меры государственного принуждения, применяемые к обвиняемому, а в исключительных случаях – к подозреваемому, для предотвращения их возможных неправомерных действий или обеспечения исполнения приговора. Статья 98 УПК РФ предусматривает следующие меры пресечения: подписка о невыезде и надлежащем поведении; личное поручительство; наблюдение командования воинской части; присмотр за несовершеннолетним обвиняемым; запрет определенных действий; залог; домашний арест; заключение под стражу. Система мер пресечения в УПК РФ построена по принципу возрастания степени их строгости. Законодатель, устанавливая

различные меры пресечения, исходит из необходимости индивидуализации их применения с учетом тяжести предъявленного обвинения, сведений о личности обвиняемого, его возраста, состояния здоровья, семейного положения, рода занятий и других обстоятельств, указанных в статье 99 УПК РФ [5] [13].

Важным шагом в развитии системы мер пресечения стало введение Федеральным законом от 18.04.2018 № 72-ФЗ новой меры пресечения – запрета определенных действий [35]. Согласно статье 105.1 УПК РФ, эта мера пресечения заключается в возложении на подозреваемого или обвиняемого обязанностей своевременно являться по вызовам дознавателя, следователя или в суд, соблюдать один или несколько запретов, предусмотренных законом, а также в осуществлении контроля за соблюдением возложенных на него запретов. Введение данной меры пресечения обеспечило большую гибкость в выборе средств процессуального принуждения, позволив учитывать особенности конкретного уголовного дела и личности обвиняемого.

Отдельно следует отметить, что применение наиболее строгих мер пресечения, а именно заключения под стражу (статья 108 УПК РФ), домашнего ареста (статья 107 УПК РФ) и запрета определенных действий (статья 105.1 УПК РФ), осуществляется только по судебному решению. Данное положение соответствует конституционным гарантиям неприкосновенности личности и жилища, а также требованиям международно-правовых актов, в частности, статье 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 22.03.2005 № 4-П подчеркнул, что ограничение свободы и личной неприкосновенности возможно только по судебному решению, причем такое решение должно быть законным, обоснованным и мотивированным [51].

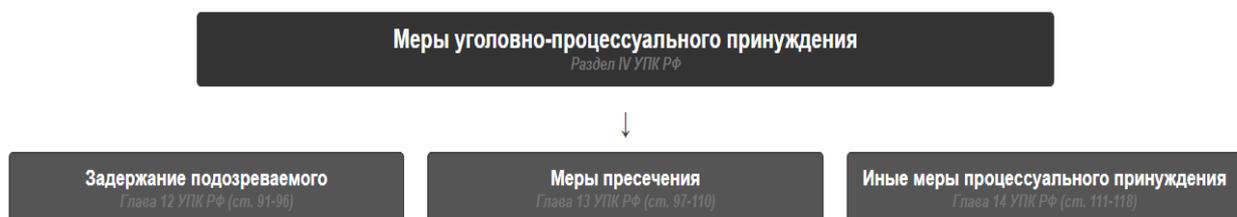
Третью группу мер процессуального принуждения составляют иные меры, предусмотренные главой 14 УПК РФ: обязательство о явке (статья 112), привод (статья 113), временное отстранение от должности (статья 114),

наложение ареста на имущество (статья 115), денежное взыскание (статья 117). Эти меры отличаются от мер пресечения по субъектам применения, основаниям, целям и процессуальному порядку их реализации. Так, иные меры процессуального принуждения могут применяться не только к подозреваемому или обвиняемому, но и к потерпевшему, свидетелю, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, эксперту, специалисту, переводчику и понятому, что расширяет сферу их применения по сравнению с мерами пресечения [1].

Наложение ареста на имущество, регламентированное статьей 115 УПК РФ, занимает особое место в системе иных мер процессуального принуждения, поскольку направлено на обеспечение исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества. Данная мера применяется на основании судебного решения и может быть наложена на имущество, находящееся у подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия, а также на имущество, находящееся у других лиц, если есть достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества. Конституционный Суд РФ в постановлении от 31.01.2011 № 1-П отметил, что наложение ареста на имущество представляет собой процессуально-обеспечительную меру, предназначенную для сохранения имущества, которое в дальнейшем может быть использовано для возмещения причиненного преступлением вреда или обращено в доход государства [50].

Более глубокое понимание системы мер уголовно-процессуального принуждения возможно через их классификацию по различным основаниям, которая представлена на рисунке 1.

Система мер уголовно-процессуального принуждения

Классификация мер уголовно-процессуального принуждения

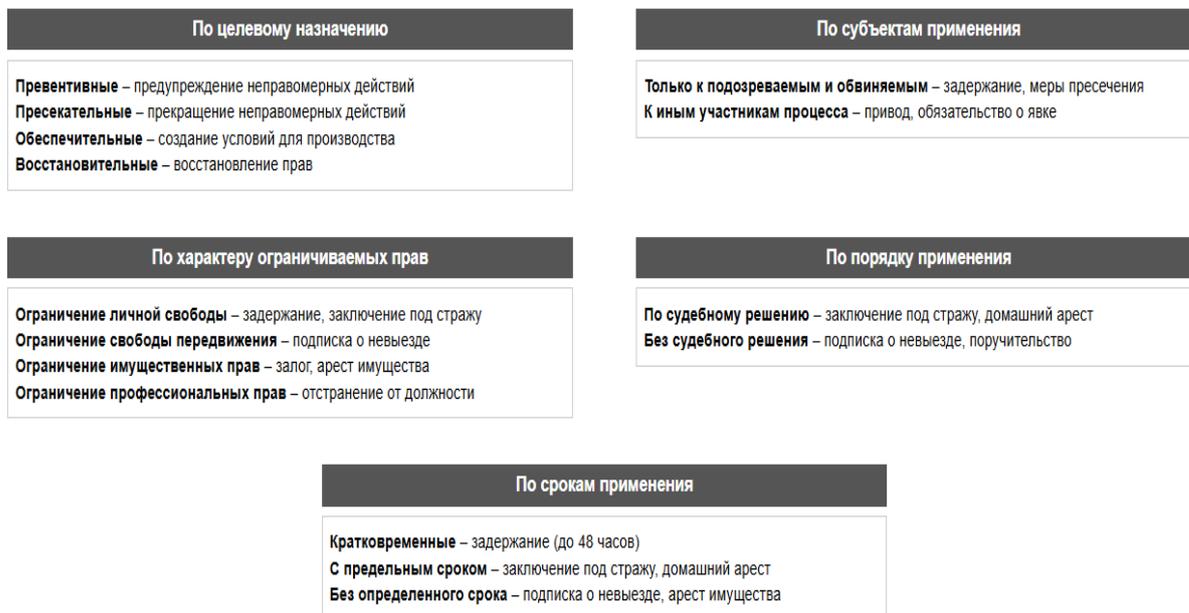

Рисунок 1- Система и классификация мер уголовно-процессуального принуждения

Так, по целевому назначению меры процессуального принуждения можно разделить на превентивные, пресекательные, обеспечительные и восстановительные. Превентивные меры направлены на предупреждение возможных правонарушений участников процесса (например, подписка о невыезде). Пресекательные меры имеют целью прекращение уже начавшихся правонарушений (например, задержание подозреваемого). Обеспечительные меры направлены на создание необходимых условий для производства следственных действий и судебного разбирательства (например, привод). Восстановительные меры служат для

восстановления нарушенных прав и законных интересов (например, наложение ареста на имущество для обеспечения гражданского иска).

По субъектам, к которым они могут быть применены, меры процессуального принуждения классифицируются на меры, применяемые только к подозреваемым и обвиняемым (задержание, меры пресечения), и меры, применяемые также к иным участникам процесса (привод, обязательство о явке, денежное взыскание). По характеру ограничиваемых прав можно выделить меры, ограничивающие личную свободу (задержание, заключение под стражу, домашний арест), меры, ограничивающие свободу передвижения (подписка о невыезде, запрет определенных действий), меры, ограничивающие имущественные права (залог, наложение ареста на имущество, денежное взыскание), и меры, ограничивающие профессиональные права (временное отстранение от должности).

По порядку применения меры процессуального принуждения делятся на применяемые исключительно по судебному решению (заключение под стражу, домашний арест, запрет определенных действий, залог, временное отстранение от должности, наложение ареста на имущество) и применяемые без судебного решения (подписка о невыезде, личное поручительство, наблюдение командования воинской части, присмотр за несовершеннолетним обвиняемым, обязательство о явке, привод при определенных условиях). По срокам применения меры процессуального принуждения могут быть кратковременными (задержание), длительного характера с установленным предельным сроком (заключение под стражу, домашний арест, запрет определенных действий, временное отстранение от должности) и действующими без определенного срока до отмены или изменения (подписка о невыезде, наложение ареста на имущество).

Проведенная классификация позволяет увидеть, что система мер уголовно-процессуального принуждения в УПК РФ построена с учетом различных оснований и критериев, что обеспечивает ее гибкость и эффективность. Каждая мера процессуального принуждения имеет свою

специфику, определяемую характером, основаниями и процедурой применения, что позволяет выбрать наиболее подходящую меру с учетом обстоятельств конкретного дела и личности участника процесса.

Следует отметить, что система мер уголовно-процессуального принуждения не является статичной. Она развивается под влиянием изменений в уголовной и уголовно-процессуальной политике государства, правовых позиций Конституционного Суда РФ, международных стандартов в области защиты прав человека. Так, введение в 2018 году новой меры пресечения – запрета определенных действий – стало результатом стремления законодателя к обеспечению большей дифференциации и индивидуализации мер процессуального принуждения. Эта мера позволяет учитывать специфику конкретного уголовного дела и особенности личности обвиняемого, обеспечивая при этом надлежащее исполнение им процессуальных обязанностей и минимизируя негативные последствия применения более строгих мер пресечения [35].

Система мер уголовно-процессуального принуждения в российском законодательстве основана на принципе соразмерности, требующем, чтобы ограничение прав и свобод личности соответствовало конституционно значимым целям. В постановлении от 22.03.2005 № 4-П Конституционный Суд РФ отметил, что применение мер процессуального принуждения не должно быть несоразмерно тяжести инкриминируемого лицу деяния и фактическим обстоятельствам дела. Этот принцип находит отражение в конструкции статей 97, 108 УПК РФ, устанавливающих, что заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется только в отношении подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет, и только при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения [51].

Таким образом, система мер уголовно-процессуального принуждения в российском законодательстве представляет собой сложный, многоуровневый

комплекс правовых средств, направленных на обеспечение надлежащего хода уголовного судопроизводства. Ее структура и содержание определяются необходимостью обеспечения баланса между публичными интересами борьбы с преступностью и защиты частных интересов личности.

Эта система характеризуется внутренней дифференциацией, позволяющей в каждом конкретном случае выбрать наиболее эффективную и в то же время наименее ограничительную меру процессуального принуждения. В конечном счете, правильное понимание системы и классификации мер уголовно-процессуального принуждения имеет важное значение для их эффективного и законного применения на практике, что способствует достижению целей уголовного судопроизводства при максимальном уважении прав и законных интересов личности.

Глава 2 Характеристика отдельных видов мер уголовно-процессуального принуждения

2.1 Задержание как мера уголовно-процессуального принуждения

Задержание представляет собой особую меру уголовно-процессуального принуждения, сущность которой заключается в кратковременном лишении свободы лица, подозреваемого в совершении преступления. Данная мера обладает комплексным характером, поскольку фактически ограничивает конституционное право на свободу и личную неприкосновенность, гарантированное статьей 22 Конституции Российской Федерации.

Характеризуя сущность задержания с точки зрения теории уголовного процесса, необходимо отметить, что в юридической доктрине существуют различные подходы к его определению. Согласно позиции, сформулированной некоторыми авторами, задержание следует рассматривать как совокупность процессуальных действий, осуществляемых компетентными органами и должностными лицами, которые направлены на кратковременное ограничение свободы подозреваемого с целью выяснения его причастности к совершению преступления [85] [87]. Данный подход представляется наиболее полно отражающим сущность рассматриваемого института.

Нормативной основой института задержания выступают положения главы 12 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, которая полностью посвящена регламентации процессуальных аспектов применения данной меры принуждения. Законодатель определяет задержание подозреваемого как «меру процессуального принуждения, применяемую органом дознания, дознавателем, следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления» (п. 11 ст. 5 УПК РФ).

Примечательна правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, высказанная в Постановлении от 27 июня 2000 г. № 11-П [49],

согласно которой задержание является не просто процессуальным действием, а специфической формой ограничения конституционного права на свободу и личную неприкосновенность, применяемой при наличии обоснованного подозрения в совершении преступления.

Анализируя правовую природу задержания, можно выделить следующие основные признаки, характеризующие данную меру принуждения:

- оно носит кратковременный характер – срок задержания без судебного решения не может превышать 48 часов;
- применяется исключительно к лицу, подозреваемому в совершении преступления;
- имеет превентивно-обеспечительный характер;
- осуществляется только определенным кругом уполномоченных должностных лиц;
- подлежит детальной процессуальной регламентации.

Статья 91 УПК РФ устанавливает исчерпывающий перечень оснований для задержания, которые можно классифицировать по степени очевидности причастности лица к совершению преступления. Наиболее бесспорным основанием выступает непосредственное обнаружение лица в момент совершения преступного деяния или сразу после его окончания. Данное основание практически исключает ошибку в определении причастности задержанного к преступлению, поскольку временной разрыв между деянием и задержанием минимален или отсутствует вовсе.

Вторым по степени достоверности основанием являются показания потерпевших или очевидцев, прямо указывающих на конкретное лицо. Здесь уже присутствует элемент субъективной оценки, однако непосредственное восприятие события преступления свидетелями придает их показаниям высокую доказательственную ценность. Третье основание связано с обнаружением материальных следов преступления на самом подозреваемом, его одежде, при нем или в месте его проживания. Анализ

правоприменительной практики показывает, что именно последнее основание часто вызывает споры относительно правомерности задержания, поскольку требует предварительной оценки обнаруженных следов как относящихся к конкретному преступлению [69].

Законодатель предусмотрел возможность задержания и при отсутствии очевидных оснований, но при наличии совокупности обстоятельств, свидетельствующих о высокой вероятности уклонения лица от следствия и суда. Попытка скрыться представляет собой активные действия, направленные на избежание контакта с правоохранительными органами, что может выражаться в резкой смене места пребывания, попытке выезда за пределы региона или страны, уничтожении документов. Отсутствие постоянного места жительства создает объективные трудности для обеспечения явки лица к следователю или в суд.

Невозможность установления личности порождает риски подмены лица или использования поддельных документов. Особый случай представляет задержание в связи с направлением в суд ходатайства об аресте - здесь законодатель стремится предотвратить возможность скрыться в период между подачей ходатайства и его рассмотрением судом. Важно отметить, что применение задержания по данным основаниям требует наличия не только формальных признаков (отсутствие регистрации, документов), но и совокупности данных, указывающих на причастность к преступлению.

Дуализм в понимании момента задержания породил обширную дискуссию в научной литературе и неоднозначную правоприменительную практику. Фактическое задержание, понимаемое как реальное ограничение свободы передвижения, может наступить задолго до формального оформления процессуальных документов. Например, когда сотрудники полиции доставляют лицо в отдел для «беседы», формально не ограничивая его в праве покинуть помещение, но фактически создавая условия, при которых человек не может свободно уйти. Юридическое оформление задержания протоколом часто происходит спустя несколько часов после

фактического лишения свободы. Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал недопустимость подмены понятий и манипулирования сроками задержания. Правовая позиция высшего органа конституционного контроля однозначна: исчисление 48-часового срока должно начинаться именно с момента фактического ограничения свободы, независимо от времени составления протокола. Несоблюдение данного правила влечет признание всех полученных в ходе задержания доказательств недопустимыми. Представляется необходимым законодательно закрепить более четкие критерии определения момента фактического задержания, что позволит избежать злоупотреблений и обеспечит единообразие право применения.

Как справедливо отмечают ученые, что отсутствие четкого законодательного разграничения фактического и юридического задержания создает определенные проблемы на практике, особенно в контексте реализации задержанным права на защиту [25] [58]. Указанная проблема приобретает особую актуальность в свете правовой позиции Европейского Суда по правам человека, выраженной в решении по делу «Лебедев против Российской Федерации», где Суд указал, что момент задержания должен определяться не формальными процедурами национального законодательства, а реальным ограничением свободы лица [47].

Процессуальное оформление задержания выполняет двойную функцию: фиксирует обстоятельства применения меры принуждения и служит гарантией соблюдения прав задержанного. Трехчасовой срок для составления протокола, установленный статьей 92 УПК РФ, направлен на оперативную документальную фиксацию всех значимых обстоятельств. Протокол задержания представляет собой комплексный процессуальный документ, требующий скрупулезного отражения не только формальных реквизитов (время, место), но и фактических обстоятельств, послуживших основанием для применения данной меры.

Особое значение имеет указание на конкретные основания и мотивы задержания - общие формулировки типа «в связи с совершением

преступления» недопустимы. Результаты личного обыска, проводимого при задержании, должны быть детализированы с указанием всех обнаруженных предметов. Анализ кассационной практики свидетельствует о том, что нарушения при составлении протокола задержания (отсутствие подписи задержанного, неуказание точного времени фактического задержания, неполное описание оснований) часто влекут отмену судебных решений и признание полученных доказательств недопустимыми.

Законодательные изменения 2015 года существенно усилили гарантии права на защиту при задержании. Обязательное участие защитника в составлении протокола задержания, если он уже вступил в дело, создает дополнительный контрольный механизм за законностью действий правоохранительных органов. Адвокат может зафиксировать в протоколе обстоятельства, на которые задержанный в силу стресса или недостаточной юридической грамотности может не обратить внимания: точное время фактического ограничения свободы, применение физической силы или специальных средств, нарушения при проведении личного обыска.

Практика показывает, что присутствие защитника при составлении протокола существенно дисциплинирует должностных лиц и способствует более полному и объективному отражению обстоятельств задержания. Вместе с тем остается нерешенной проблема обеспечения участия защитника в ночное время или в удаленных районах, где отсутствуют дежурные адвокаты. Представляется целесообразным создание единой федеральной системы обеспечения круглосуточной юридической помощи задержанным, что позволит реализовать данную норму не формально, а по существу [35].

Разъяснение прав задержанному является не формальной процедурой, а фундаментальной гарантией защиты его интересов. Статья 46 УПК РФ содержит обширный перечень прав подозреваемого, однако на практике их разъяснение часто носит поверхностный характер - задержанному просто дают расписаться под стандартным перечнем без реального объяснения содержания и значения каждого права. Право на защиту включает не только

возможность пригласить конкретного адвоката, но и право на предоставление защитника государством, право на конфиденциальное свидание с защитником до первого допроса. Право хранить молчание означает, что отказ от дачи показаний не может рассматриваться как доказательство вины. Особую социальную значимость имеет право на уведомление близких - для многих задержанных именно невозможность сообщить родным о своем местонахождении становится серьезным психологическим испытанием. Двенадцатичасовой срок для уведомления, установленный статьей 96 УПК РФ, на практике часто нарушается под различными предлогами. Анализ жалоб в ЕСПЧ показывает, что несвоевременное уведомление родственников является одним из распространенных нарушений при задержании. Необходимо установить административную ответственность должностных лиц за неисполнение обязанности по уведомлению близких задержанного в установленный срок.

Анализируя судебную практику, следует отметить, что суды уделяют значительное внимание процессуальному порядку задержания и нарушение установленной процедуры влечет признание полученных доказательств недопустимыми [21] [22].

Так, согласно позиции Верховного Суда РФ, выраженной в одном из решений, нарушение порядка задержания, в том числе несвоевременное составление протокола, отсутствие разъяснения прав подозреваемому, не предоставление возможности связаться с защитником, являются существенными нарушениями уголовно-процессуального закона [42] [61].

Важным элементом правового регулирования задержания выступают гарантии соблюдения прав задержанного. К числу таких гарантий относятся: право на уведомление близких о факте задержания, право на защиту, право на личную безопасность, право на медицинскую помощь. Данные гарантии корреспондируют соответствующим обязанностям должностных лиц, осуществляющих задержание.

Освобождение задержанного представляет собой логическое завершение процедуры задержания при отсутствии оснований для дальнейшего ограничения свободы. Статья 94 УПК РФ императивно устанавливает обязанность немедленного освобождения при наступлении любого из трех обстоятельств. Не подтверждение подозрения может выражаться в установлении алиби, выявлении истинного преступника, опровержении первоначальных доказательств. При этом для освобождения достаточно обоснованных сомнений в причастности лица к преступлению - не требуется полного и окончательного опровержения подозрений. Отсутствие оснований для заключения под стражу оценивается с учетом тяжести преступления, личности подозреваемого, наличия постоянного места жительства и работы. Процессуальные нарушения при задержании (несоблюдение сроков, отсутствие оснований, предусмотренных статьей 91 УПК РФ) влекут безусловное освобождение независимо от тяжести инкриминируемого деяния.

Проблемой остается отсутствие в законе четкого механизма компенсации за незаконное задержание - лицо вынуждено обращаться в суд в порядке гражданского судопроизводства, что существенно затягивает восстановление нарушенных прав. Целесообразно предусмотреть упрощенную процедуру компенсации морального вреда за каждые сутки незаконного задержания по аналогии с компенсацией за нарушение права на судопроизводство в разумный срок.

Исследователь С.Ж. Тургаев акцентирует внимание на временном характере задержания и его соотношении с мерами пресечения. Задержание выступает своеобразным «мостом» между свободой и возможным применением длительных ограничений [70]. На первоначальном этапе расследования следователь часто сталкивается с дилеммой: имеющихся данных недостаточно для обращения в суд с ходатайством об аресте, но отпустить подозреваемого означает создать риск его скрытия или

уничтожения доказательств. Задержание предоставляет 48-часовой период для сбора необходимых материалов и принятия обоснованного решения.

Анализ статистических данных показывает, что примерно в 30% случаев задержанные освобождаются без избрания меры пресечения, что подтверждает правильность законодательного подхода к задержанию как к экстраординарной кратковременной мере. Недопустимой является практика «перезадержания», когда после истечения 48 часов лицо освобождается и тут же задерживается по другому эпизоду того же уголовного дела. Верховный Суд РФ неоднократно указывал на незаконность подобных манипуляций, рассматривая их как обход конституционных гарантий неприкосновенности личности. Совершенствование института задержания должно идти по пути усиления контроля за обоснованностью его применения и создания эффективных механизмов защиты от злоупотреблений [83].

В заключение рассмотрения института задержания как меры уголовно-процессуального принуждения следует отметить, что данная мера занимает важное место в системе мер процессуального принуждения. Ее особенность заключается в том, что она может быть применена на ранних этапах уголовного судопроизводства, когда еще отсутствуют достаточные доказательства для предъявления обвинения и избрания меры пресечения. При этом задержание имеет строго определенные цели, основания и порядок применения, что обеспечивает баланс между интересами правосудия и защитой прав личности.

2.2 Меры пресечения в системе мер уголовно-процессуального принуждения

Институт мер пресечения формирует ядро системы уголовно-процессуального принуждения, выполняя функцию предупреждения возможного противоправного поведения участников уголовного судопроизводства. В отличие от иных принудительных мер, направленных на

решение частных процессуальных задач, меры пресечения обеспечивают общую превенцию негативного поведения обвиняемых и подозреваемых на протяжении всего производства по делу. Степень вмешательства в конституционные права при применении мер пресечения варьируется от минимальных ограничений свободы передвижения до полной изоляции от общества, что требует особо тщательного подхода к их избранию и применению.

Правовая доктрина, представленная в работах В.А. Михайлова, рассматривает меры пресечения через призму их двойственной природы: как инструмента обеспечения нормального хода процесса и как средства предупреждения новых преступлений [32]. Принципиальное значение имеет законодательное требование о судебном порядке избрания наиболее строгих мер пресечения, что выступает важнейшей гарантией от произвольного ограничения свободы. Анализ правоприменительной практики последних лет демонстрирует постепенное усиление судебного контроля за обоснованностью применения мер пресечения, хотя проблема формального подхода к их избранию остается актуальной. Представляется необходимым дополнить действующее законодательство требованием об обязательном рассмотрении судом альтернативных мер пресечения перед принятием решения о заключении под стражу, с приведением мотивов невозможности их применения.

Рассматривая правовую природу мер пресечения, необходимо подчеркнуть их двойственный характер. С одной стороны, применение мер пресечения направлено на защиту публичных интересов, обеспечение нормального хода уголовного судопроизводства, предотвращение противодействия расследованию. С другой стороны, будучи связанными с существенным ограничением конституционных прав и свобод личности, меры пресечения должны применяться лишь при наличии достаточных оснований и с соблюдением надлежащей правовой процедуры, что обусловлено

необходимостью защиты частных интересов граждан, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства.

Таким образом, правовую сущность мер пресечения составляет достижение баланса между публичными и частными интересами в сфере уголовного судопроизводства [84].

Современная система мер пресечения, закрепленная в статье 98 УПК РФ, построена по принципу возрастания степени ограничения прав личности. Законодатель предусмотрел восемь видов мер пресечения, создав достаточно гибкий инструментарий для правоприменителя. Градация мер - от подписки о невыезде до заключения под стражу - позволяет выбирать оптимальный вариант воздействия с учетом конкретных обстоятельств дела.

Введение в 2018 году такой меры, как запрет определенных действий, существенно расширило возможности индивидуализации процессуального принуждения. Вместе с тем анализ статистических данных свидетельствует о сохраняющемся дисбалансе в применении различных мер: если подписка о невыезде и заключение под стражу используются регулярно, то залог, домашний арест и запрет определенных действий применяются крайне редко, что свидетельствует о недостаточной проработке механизмов их реализации.

Наиболее мягкие меры пресечения основаны на доверии к личности обвиняемого или третьих лиц. Подписка о невыезде, применяемая более чем в 60% случаев избрания мер пресечения, фактически представляет собой «джентльменское соглашение» между государством и обвиняемым. Эффективность данной меры во многом зависит от правосознания лица и понимания им последствий нарушения взятых обязательств. Проблемой остается отсутствие реальных механизмов контроля за соблюдением подписки о невыезде - проверка исполнения обязательств носит эпизодический характер.

Институт личного поручительства, имеющий глубокие исторические корни в отечественном уголовном процессе, на практике применяется редко из-за сложности определения критериев «заслуживающего доверия лица».

Законодатель не раскрывает данное понятие, оставляя его оценку на усмотрение правоприменителя. Представляется целесообразным законодательно закрепить критерии, которым должен соответствовать поручитель: отсутствие судимости, наличие постоянного места работы и дохода, положительная характеристика по месту жительства.

Специфические меры пресечения для отдельных категорий лиц - военнослужащих и несовершеннолетних - учитывают особенности их правового статуса. Наблюдение командования использует дисциплинарную власть военного руководства, а присмотр за несовершеннолетним опирается на авторитет родителей или законных представителей. Эффективность данных мер напрямую зависит от добросовестности лиц, осуществляющих контроль, что создает риски формального подхода к исполнению обязанностей.

Новейшая мера пресечения - запрет определенных действий - представляет собой попытку законодателя создать гибкий инструмент, позволяющий точно ограничивать права обвиняемого без полной изоляции от общества. За пять лет применения данная мера показала свою эффективность в делах о преступлениях, совершенных с использованием информационных технологий, при домашнем насилии, в случаях угроз потерпевшим. Однако техническое обеспечение контроля за соблюдением запретов остается проблемным - использование электронных браслетов ограничено крупными городами, а иные способы контроля трудоемки и затратны.

Залог как имущественная гарантия надлежащего поведения применяется в России крайне редко - менее чем в 1% случаев [67]. Основными препятствиями выступают отсутствие у большинства обвиняемых значительных денежных средств и сложность определения адекватного размера залога. Зарубежный опыт показывает эффективность института профессиональных поручителей (bail bondsmen), однако в российских условиях введение подобного института может создать коррупционные риски.

Домашний арест занимает промежуточное положение между свободой и заключением под стражу. Использование систем электронного мониторинга (СЭМПЛ) позволяет эффективно контролировать соблюдение установленных ограничений, однако высокая стоимость оборудования и его обслуживания препятствует широкому применению данной меры [12]. Анализ практики ЕСПЧ показывает, что длительный домашний арест может приравниваться к лишению свободы, что требует соблюдения соответствующих гарантий.

Заключение под стражу остается *ultima ratio* в системе мер пресечения, применяемой при невозможности обеспечить цели уголовного судопроизводства иными средствами. Условия содержания в следственных изоляторах, несмотря на проводимые реформы, часто не соответствуют международным стандартам, что в свое время порождало многочисленные жалобы в ЕСПЧ [69].

Индивидуализация мер пресечения выступает краеугольным камнем справедливого уголовного процесса. Статья 99 УПК РФ содержит открытый перечень обстоятельств, подлежащих учету при избрании меры пресечения, что предоставляет правоприменителю широкие дискреционные полномочия. Анализ более 100 судебных решений об избрании мер пресечения показывает, что суды часто ограничиваются формальным перечислением обстоятельств без их реальной оценки. Типичными недостатками мотивировочной части таких решений являются: игнорирование положительных характеристик личности обвиняемого, отсутствие анализа семейного положения и состояния здоровья, механическая ссылка на тяжесть преступления без учета конкретных рисков.

Принцип приоритета более мягкой меры пресечения, закрепленный в части 1 статьи 108 УПК РФ, на практике часто нарушается. Суды склонны удовлетворять ходатайства следователей о заключении под стражу, не требуя обоснования невозможности применения альтернативных мер. Представляется необходимым ввести в УПК РФ норму об обязательном

поэтапном рассмотрении всех возможных мер пресечения, начиная с наиболее мягкой, с приведением мотивов невозможности их применения.

Подлинная индивидуализация требует выхода за рамки формального подхода и учета социального контекста. Например, для обвиняемого, являющегося единственным кормильцем многодетной семьи, даже кратковременное заключение под стражу может иметь катастрофические последствия. Наличие у лица тяжелого заболевания, требующего постоянного лечения, делает содержание под стражей не только негуманным, но и создает риски для жизни.

К сожалению, правоприменительная практика демонстрирует недостаточное внимание к подобным обстоятельствам. Необходимо разработать методические рекомендации для судей, содержащие алгоритм оценки личностных и социальных факторов при избрании мер пресечения.

Некоторые авторы справедливо подчеркивают, что механический подход к выбору меры пресечения исключительно на основе тяжести инкриминируемого преступления ведет к нарушению прав личности и не способствует эффективному достижению целей уголовного судопроизводства. В связи с этим необходимо учитывать личностные характеристики обвиняемого, подозреваемого, наличие у него семейных и социальных связей, постоянного места жительства и работы, состояние здоровья, особенности его поведения в ходе расследования [2].

Вместе с тем, как показывает анализ судебной практики, правоприменители зачастую игнорируют данное требование закона, по инерции избирая наиболее строгую меру пресечения в виде заключения под стражу. На эту негативную тенденцию неоднократно обращали внимание как Конституционный Суд РФ, так и Европейский суд по правам человека. В частности, ЕСПЧ в ряде своих решений против России (дела «Царенко против России» [43], «Худоеров против России» [44], «Евгений Гусев против России» [45]) указывал на чрезмерность и неоправданность применения российскими

судами такой меры как заключение под стражу, особенно по делам небольшой и средней тяжести.

Правовая позиция Конституционного Суда РФ, сформулированная в Постановлении от 22 марта 2018 года № 12-П [48], установила повышенный стандарт обоснования решений о заключении под стражу. Суд конституционного контроля фактически ввел трехступенчатый тест для проверки законности и обоснованности данной меры пресечения:

- Первая ступень - проверка формального критерия тяжести преступления (санкция свыше трех лет лишения свободы).
- Вторая - установление обоснованного подозрения, что предполагает наличие достаточных доказательств причастности лица к преступлению.
- Третья - выявление конкретных рисков, предусмотренных статьей 97 УПК РФ, подтвержденных фактическими данными.

Несмотря на четкость позиции Конституционного Суда, анализ последующей практики показывает сохранение проблемы шаблонных судебных решений. Формулировки типа «может скрыться, так как не признает вину» или «может оказать давление на свидетелей в связи с тяжестью преступления» продолжают встречаться в судебных актах. Для преодоления данной практики целесообразно ввести в УПК РФ требование о проведении судом устного допроса обвиняемого при решении вопроса о заключении под стражу, что позволит непосредственно оценить обоснованность заявленных следователем рисков.

Системная взаимосвязь задержания и мер пресечения проявляется в их функциональной преемственности. Задержание создает временное правовое пространство для принятия решения о дальнейшей судьбе лица - освобождении или применении длительных ограничений. Различие в стандартах доказывания отражает эволюцию процессуального статуса лица: от заподозренного до формально обвиняемого. Повышение стандарта с

«оснований подозревать» до «обоснованного подозрения» означает переход от вероятностных суждений к доказательственно подкрепленным выводам [87].

Практически значимым является вопрос о моменте, с которого возможно избрание меры пресечения. Формальное требование о наличии процессуального статуса подозреваемого или обвиняемого иногда приводит к искусственному затягиванию момента признания лица подозреваемым для избежания необходимости избрания меры пресечения. Целесообразно дополнить УПК РФ нормой о праве лица требовать незамедлительного решения вопроса о применении к нему меры пресечения при наличии фактического ограничения его прав.

Десятидневный срок для предъявления обвинения подозреваемому, к которому применена мера пресечения, представляет собой важный элемент системы процессуальных гарантий. Данное ограничение стимулирует следственные органы к активной работе по сбору доказательств и недопущению необоснованного затягивания расследования. Вместе с тем практика знает случаи манипулирования данной нормой: отмена меры пресечения на десятый день с последующим повторным избранием после предъявления обвинения по другому эпизоду того же дела.

Анализ статистики показывает, что в большинстве случаев обвинение предъявляется на 8-9 день после избрания меры пресечения, что свидетельствует о формальном подходе к данному требованию. Часто обвинение формулируется поспешно, без достаточной доказательственной базы, лишь бы уложиться в установленный срок. Последующее изменение или дополнение обвинения становится обычной практикой. Для повышения качества предварительного расследования целесообразно увеличить данный срок до 20 дней, одновременно усилив прокурорский надзор за обоснованностью применения мер пресечения к подозреваемым.

Принцип соразмерности при избрании мер пресечения требует проведения двухуровневого анализа. Первый уровень - соответствие меры пресечения характеру и степени общественной опасности инкриминируемого

деяния. Недопустимо заключение под стражу за преступления небольшой тяжести, даже при наличии рисков ненадлежащего поведения. Второй уровень - оценка вероятности реализации процессуальных рисков, предусмотренных статьей 97 УПК РФ.

Конкретизация рисков требует приведения фактических данных, а не абстрактных предположений. Риск скрыться должен подтверждаться попытками выезда, приобретением билетов, отсутствием социальных связей. Опасность продолжения преступной деятельности обосновывается данными о систематичности преступлений, наличии преступных связей. Угроза воздействия на участников процесса подтверждается зафиксированными попытками контактов, высказанными угрозами. К сожалению, следственные органы часто ограничиваются общими фразами о «возможности» таких действий без приведения конкретных фактов.

Для объективизации оценки рисков целесообразно внедрить систему балльной оценки факторов риска, применяемую в ряде зарубежных стран. Каждому фактору (наличие судимости, отсутствие постоянного места жительства, попытки скрыться и т.д.) присваивается определенное количество баллов. Превышение порогового значения свидетельствует о высоком риске и возможности применения строгой меры пресечения. Такая система минимизирует субъективизм и обеспечивает единообразие практики.

Анализируя соблюдение принципа соразмерности при избрании мер пресечения, нельзя не отметить проблему избыточного применения заключения под стражу, которая приобрела системный характер в российской правоприменительной практике. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ [67] за 2020-2022 годы, доля удовлетворенных судами ходатайств следственных органов об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу составляет свыше 90%. При этом альтернативные меры пресечения (домашний арест, залог, запрет определенных действий) применяются крайне редко, несмотря на наличие в законе широкого спектра таких мер.

Ситуация усугубляется тем, что применение заключения под стражу в качестве меры пресечения часто носит формальный характер, без учета индивидуальных особенностей личности обвиняемого, подозреваемого и конкретных обстоятельств дела. Как справедливо отмечает С.И. Вершинина, такой подход противоречит конституционным принципам справедливости и соразмерности ограничения прав и свобод личности [8]. Формальное, не обусловленное действительной необходимостью ограничение свободы лица, в отношении которого действует презумпция невиновности, нарушает баланс между публичными и частными интересами в уголовном судопроизводстве.

К сожалению, анализ следственно-судебной практики свидетельствует о том, что в большинстве случаев суды при избрании меры пресечения не утруждают себя приведением развернутой и убедительной мотивировки, ограничиваясь формальной ссылкой на тяжесть предъявленного обвинения. Такой подход не согласуется с конституционными гарантиями неприкосновенности личности и презумпции невиновности.

В связи с этим представляется необходимым на законодательном уровне закрепить требование о приведении в судебном решении об избрании меры пресечения подробной мотивировки с указанием конкретных фактических обстоятельств, свидетельствующих о необходимости ограничения прав обвиняемого, подозреваемого.

Ученые в своих исследованиях отмечают, что судебная практика применения мер пресечения в России характеризуется существенным разрывом между законодательными нормами и их реальным воплощением [2] [4] [19]. Несмотря на наличие в УПК РФ нормы об исключительности применения заключения под стражу (ч. 1 ст. 108), на практике данная мера пресечения избирается как типичная, а не исключительная [9] [10] [14] [69]. При этом судебные решения о заключении под стражу зачастую не содержат достаточного обоснования невозможности применения более мягких мер пресечения.

Еще одной проблемой применения мер пресечения является недостаточная дифференциация их правового регулирования с учетом специфики субъектов. В частности, действующее законодательство не предусматривает каких-либо особенностей применения мер пресечения в отношении несовершеннолетних, беременных женщин, лиц с ограниченными возможностями и т.д. Представляется, что в отношении указанных категорий лиц должны действовать повышенные гарантии и ограничения на применение строгих мер пресечения, связанных с изоляцией от общества. Это позволило бы в большей степени индивидуализировать уголовно-процессуальное принуждение и защитить права наиболее уязвимых участников процесса

Согласно позиции Верховного Суда РФ, выраженной в Постановлении Пленума от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» [54], при решении вопроса об избрании меры пресечения в отношении несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого суд должен обсуждать возможность отдачи его под присмотр родителей или иных законных представителей. Однако на практике данное требование часто игнорируется, и несовершеннолетние нередко помещаются в следственные изоляторы даже по делам о преступлениях средней тяжести, что негативно сказывается на их психологическом развитии и возможностях ресоциализации.

Особые трудности возникают при избрании мер пресечения в отношении беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей. Хотя в законе (ч. 1 ст. 108 УПК РФ) предусмотрен запрет на применение заключения под стражу в отношении беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до 14 лет, если они обвиняются в совершении преступлений небольшой тяжести, на практике данная норма не всегда соблюдается в полной мере. В ряде случаев суды избирают заключение под стражу в отношении таких лиц без достаточных к тому оснований, не

учитывая в полной мере интересы несовершеннолетних детей и возможное негативное влияние на протекание беременности.

С.Ж. Тургаев обращает внимание на проблему применения мер пресечения к лицам преклонного возраста и инвалидам [70]. В отношении данных категорий лиц заключение под стражу может быть сопряжено с серьезными рисками для их здоровья и жизни, поскольку условия содержания в следственных изоляторах не всегда адаптированы к потребностям таких лиц. В связи с этим автор предлагает законодательно закрепить особый порядок применения мер пресечения к указанным категориям обвиняемых, подозреваемых, предусматривающий приоритет мер, не связанных с изоляцией от общества.

Актуальной проблемой остается и обеспечение разумных сроков применения мер пресечения. Нередко подозреваемые и обвиняемые находятся под стражей или под домашним арестом неоправданно долго, в течение многих месяцев и даже лет. Хотя закон и устанавливает предельные сроки содержания под стражей на этапе предварительного расследования, они нередко обходятся путем прекращения уголовного дела и его возобновления. В результате лицо может длительное время пребывать в неопределенном процессуальном положении, будучи существенно ограниченным в своих правах.

Кроме того, на этот системный недостаток российской правоприменительной практики неоднократно указывал и Верховный Суд Российской Федерации [55] [56] [57]. Представляется необходимым на законодательном уровне установить максимальные сроки действия любых мер пресечения вне зависимости от движения уголовного дела.

В контексте совершенствования института мер пресечения особого внимания заслуживает вопрос об эффективности судебного контроля за законностью и обоснованностью их применения. В научной литературе высказываются обоснованные сомнения в эффективности существующих механизмов судебного контроля. Так, С.И. Захарцев отмечает [17], что суды

зачастую формально подходят к рассмотрению ходатайств о применении мер пресечения, не проверяя с должной тщательностью представленные органами расследования материалы, не анализируя реальные риски и не учитывая личностные характеристики обвиняемых, подозреваемых.

Для повышения эффективности судебного контроля за применением мер пресечения необходимо не только совершенствование законодательства, но и изменение сложившейся правоприменительной практики. Суды должны активнее реализовывать свои полномочия по проверке обоснованности ходатайств о применении мер пресечения, требовать от органов расследования представления конкретных доказательств, свидетельствующих о необходимости ограничения прав обвиняемых, подозреваемых, а также более тщательно мотивировать свои решения.

Следует также отметить роль прокурорского надзора в обеспечении законности при применении мер пресечения. По мнению ряда исследователей, действующее законодательство необоснованно ограничивает полномочия прокурора в данной сфере [28]. Прокурор, будучи участником судебного заседания при рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения, не имеет достаточных рычагов воздействия на органы следствия в случае, если считает избрание меры пресечения неоправданным. В связи с этим предлагается расширить полномочия прокурора, предоставив ему право отменять незаконные и необоснованные постановления следователя о возбуждении ходатайства об избрании меры пресечения.

Подводя итог, следует отметить, что институт мер пресечения в системе уголовно-процессуального принуждения играет важную роль в обеспечении надлежащего поведения участников уголовного судопроизводства и решении задач уголовного процесса. Вместе с тем их применение сопряжено с существенными ограничениями прав и свобод личности, что требует установления строгих законодательных гарантий от необоснованного и чрезмерного принуждения. Пути совершенствования данного института видятся в конкретизации оснований и условий избрания мер пресечения,

дифференциации их правового регулирования с учетом специфики субъектов, введении максимальных сроков действия любых мер принуждения, усилении судебного контроля и прокурорского надзора за их применением. Только такой комплексный подход позволит обеспечить разумный баланс между правами личности и интересами уголовного судопроизводства.

2.3 Иные меры процессуального принуждения

Законодательная конструкция статьи 111 УПК РФ объединяет под общим наименованием «иные меры процессуального принуждения» разнородные по своей правовой природе институты. В эту группу включены: обязательство о явке, привод, временное отстранение от должности, арест имущества и денежное взыскание. Гетерогенность данной категории проявляется в различной направленности воздействия: от обеспечения явки участников процесса до имущественных ограничений и дисциплинарных санкций. В отличие от мер пресечения, имеющих превентивную направленность, рассматриваемые меры носят преимущественно обеспечительный характер и применяются к более широкому кругу субъектов.

Функциональный анализ иных мер процессуального принуждения позволяет выделить три основных вектора их воздействия.

Первый - организационно-дисциплинарный, обеспечивающий нормальный ход процессуальных действий через механизмы явки и привода.

Второй - доказательственный, создающий условия для беспрепятственного собирания и проверки доказательств путем временного отстранения от должности лиц, способных воспрепятствовать расследованию.

Третий - компенсационно-восстановительный, гарантирующий возмещение вреда и исполнение имущественных санкций через институт ареста имущества.

Такая полифункциональность отражает комплексный характер задач, решаемых в рамках уголовного судопроизводства, выходящих за пределы простого установления виновности и назначения наказания.

Институт обязательства о явке выполняет функцию процессуальной коммуникации между органами расследования и участниками производства по делу. Письменная форма обязательства создает документальную основу для последующего применения более строгих мер в случае уклонения от явки. Примечательно, что законодатель не устанавливает конкретных санкций за первичное нарушение обязательства, ограничиваясь указанием на возможность привода. Это создает определенный правовой вакуум - между добровольным исполнением обязанности и принудительным доставлением отсутствуют промежуточные меры воздействия.

Практический аспект применения обязательства о явке выявляет проблему определения уважительности причин неявки. УПК РФ не содержит даже примерного перечня таких причин, оставляя их оценку на усмотрение правоприменителя. Сложившаяся практика признает уважительными болезнь, подтвержденную медицинскими документами, стихийные бедствия, транспортные проблемы. Однако отсутствие законодательных критериев порождает не единообразие правоприменения и создает риски произвольного толкования.

Субъектный состав лиц, у которых может быть отобрано обязательство о явке, демонстрирует стремление законодателя охватить всех значимых участников процесса. Универсальность данной меры обусловлена базовой потребностью уголовного судопроизводства в обеспечении личного участия субъектов при производстве следственных и судебных действий. Однако дифференциация правового статуса различных участников требует и различного подхода к применению данной меры.

Для обвиняемых и подозреваемых обязательство о явке часто выступает элементом более сложных правоограничений, сопровождая меры пресечения. Для свидетелей и потерпевших оно является основным инструментом

обеспечения их участия в процессе. Особую категорию составляют эксперты, специалисты и переводчики - лица, выполняющие вспомогательные функции. Их неявка может привести к срыву процессуальных действий, что обуславливает необходимость эффективных механизмов обеспечения их участия. Вместе с тем применение к данной категории лиц мер принуждения должно учитывать добровольный характер принятия ими на себя соответствующих обязанностей.

Привод представляет собой крайнюю форму обеспечения явки, связанную с применением физического принуждения. Правовая конструкция привода содержит важные гарантии от произвола: требование предварительного надлежащего уведомления о вызове, оценка уважительности причин неявки, запрет ночного привода. Последнее ограничение, заимствованное из дореволюционного законодательства, отражает гуманистический подход к применению принуждения.

Исключение для случаев, не терпящих отлагательства, создает определенные риски расширительного толкования. Анализ практики показывает, что под такими случаями понимаются ситуации реальной угрозы уничтожения доказательств, совершения новых преступлений, побега обвиняемого. Однако отсутствие четких критериев «неотложности» может приводить к злоупотреблениям. Представляется необходимым законодательно конкретизировать перечень обстоятельств, позволяющих производить привод в ночное время.

Процедурные аспекты привода регламентированы недостаточно детально. УПК РФ не устанавливает максимальную продолжительность привода, порядок обращения с доставленным лицом, гарантии обеспечения его прав. На практике это компенсируется применением по аналогии норм об административном задержании, что не вполне корректно с точки зрения различной правовой природы данных институтов [81].

В соответствии с позицией Конституционного Суда РФ, выраженной в Определении от 14 июля 2011 г. № 1026-О-О [40], привод как мера

принуждения может быть применен лишь при наличии достаточных оснований полагать, что лицо умышленно уклоняется от явки по вызову. При этом должны быть предприняты все необходимые меры для надлежащего уведомления лица о необходимости явки. Такой подход способствует обеспечению справедливого баланса между интересами правосудия и защитой прав личности.

Временное отстранение от должности состоит в запрете подозреваемому или обвиняемому заниматься определенной профессиональной или иной деятельностью (ст. 114 УПК РФ). Оно применяется при наличии достаточных оснований полагать, что подозреваемый/обвиняемый, оставаясь в должности, будет препятствовать производству по уголовному делу или продолжать преступную деятельность. Временное отстранение существенно ограничивает трудовые права личности, поэтому может применяться только судом по ходатайству следователя или дознавателя.

Данная мера принуждения имеет двойственную природу. С одной стороны, она выполняет обеспечительную функцию, предупреждая возможность совершения новых преступлений или противодействия расследованию. С другой стороны, как отмечает Е.В. Манджиева [29], временное отстранение от должности выполняет превентивную функцию, способствуя предотвращению злоупотреблений должностными полномочиями. В этом контексте временное отстранение от должности выступает важным инструментом обеспечения задач уголовного судопроизводства.

Арест имущества в уголовном процессе выполняет обеспечительную функцию, предотвращая возможность сокрытия или отчуждения активов до вынесения итогового судебного решения. Данная мера затрагивает фундаментальное право собственности, что обуславливает исключительно судебный порядок ее применения. Конституционный принцип неприкосновенности собственности требует тщательного обоснования необходимости и соразмерности такого вмешательства.

Трехцелевой характер ареста имущества (обеспечение гражданского иска, имущественных взысканий и конфискации) отражает комплексный подход к защите имущественных интересов потерпевших и государства. При этом каждая цель предполагает различный объем ограничений. Для обеспечения гражданского иска достаточно запрета распоряжения, тогда как подготовка к конфискации может требовать и ограничения пользования.

Применение норм ГПК РФ о неприкосновенности определенных видов имущества в уголовном процессе создает важные социальные гарантии. Запрет ареста единственного жилья, предметов первой необходимости, орудий труда защищает минимальный уровень существования лица и его семьи. Однако практика выявляет попытки обхода данных ограничений через формальное переоформление имущества на третьих лиц, что требует развития механизмов противодействия таким злоупотреблениям.

Конституционный Суд РФ неоднократно высказывался по вопросам наложения ареста на имущество. В частности, в Постановлении от 31 января 2011 г. № 1-П [50]. Суд подчеркнул, что арест имущества должен отвечать критериям справедливости и соразмерности. Ограничение права собственности должно компенсироваться наличием эффективных гарантий защиты прав собственника, включая судебный контроль за законностью и обоснованностью наложения ареста, а также возможность обжалования соответствующего решения.

Статистический анализ применения ареста имущества демонстрирует высокую активность правоохранительных органов в использовании данного института. Снижение количества ходатайств с 45,5 тысяч в 2017 году до 40,8 тысяч в 2018 году может свидетельствовать как о повышении качества предварительной проработки оснований для ареста, так и о более взвешенном подходе к применению данной меры. Показатель удовлетворения ходатайств на уровне 87% указывает на достаточно высокое качество подготовки процессуальных документов следственными органами.

Вместе с тем столь высокий процент удовлетворения может свидетельствовать и о недостаточно критическом подходе судов к оценке представленных материалов. Европейский опыт показывает, что в странах с развитой системой судебного контроля процент удовлетворения аналогичных ходатайств составляет 60-70%, что отражает более тщательную проверку обоснованности и соразмерности применяемых ограничений.

Доминирование коррупционных дел в структуре применения ареста имущества объясняется спецификой данной категории преступлений. Незаконное обогащение создает имущественную базу, подлежащую изъятию в рамках восстановления социальной справедливости. Кратные штрафы, применяемые за коррупционные преступления, требуют обеспечительных мер уже на стадии расследования, поскольку промедление может привести к выводу активов за пределы юрисдикции.

Особенностью ареста имущества по коррупционным делам является необходимость доказывания связи арестовываемых активов с преступной деятельностью. Презумпция невиновности требует обоснования того, что конкретное имущество приобретено на средства, полученные преступным путем, либо что его стоимость явно несоразмерна законным доходам лица. Это создает дополнительную процессуальную нагрузку на органы расследования и требует проведения сложных финансовых расследований с привлечением специалистов [39].

Институт денежного взыскания выполняет дисциплинарную функцию в уголовном процессе, обеспечивая соблюдение процессуальной дисциплины через механизм имущественных санкций. Двойственная природа оснований применения - невыполнение обязанностей и нарушение порядка - отражает стремление законодателя охватить как пассивные, так и активные формы процессуальных нарушений.

Размер денежного взыскания, установленный в пределах до 2500 рублей, вызывает вопросы о его эффективности в современных экономических условиях. Для многих категорий участников процесса такая

сумма не является существенной, что снижает превентивный эффект данной меры. С другой стороны, для социально незащищенных слоев населения даже такое взыскание может быть обременительным. Представляется целесообразным дифференцировать размер взыскания в зависимости от имущественного положения лица, установив его в размере определенного процента от дохода.

Процедура наложения денежного взыскания предусматривает судебный контроль, что служит гарантией от произвольного применения. Однако практика показывает формальный подход судов к рассмотрению таких вопросов. Отсутствие четких критериев «неуважительности» неявки или «существенности» нарушения порядка создает предпосылки для субъективизма. Необходима разработка методических рекомендаций, конкретизирующих основания и порядок применения денежных взысканий с учетом принципов соразмерности и индивидуализации ответственности [71].

Размер взыскания устанавливается судом с учетом тяжести совершенного нарушения и личности правонарушителя. Следует отметить, что денежное взыскание по своей сути представляет меру уголовно-процессуальной ответственности, а не просто праввосстановительную санкцию.

В научной литературе ведутся дискуссии о правовой природе денежного взыскания [20] [84].

По мнению ряда исследователей, денежное взыскание является формой процессуальной ответственности, поскольку включает элемент наказания за ненадлежащее выполнение процессуальных обязанностей. Другие авторы рассматривают денежное взыскание как меру процессуального принуждения, направленную на обеспечение надлежащего поведения участников уголовного судопроизводства.

Применение любых мер процессуального принуждения, в том числе и иных, должно осуществляться на основе принципов законности, обоснованности, мотивированности и соразмерности. Как подчеркивают

некоторые авторы, иные меры процессуального принуждения, несмотря на то, что затрагивают не саму личную свободу участников процесса, а иные их права, также должны избираться с учетом характера инкриминируемого преступления, личности лица, к которому они применяются и фактически складывающейся по делу ситуации [86].

Вместе с тем в практическом применении иных мер процессуального принуждения имеются определенные проблемы и недостатки. Прежде всего следует отметить недостаточную определенность оснований применения некоторых из них. Так, привод может осуществляться при неявке лица по вызову «без уважительных причин», однако четких критериев уважительности таких причин закон не устанавливает. Это порождает риски произвольного и несоразмерного ограничения свободы граждан.

По мнению С.И. Вершининой [8] [9], отсутствие в законе четких критериев оценки уважительности причин неявки создает предпосылки для субъективного усмотрения правоприменителя, что не способствует единообразию следственной и судебной практики. В связи с этим представляется целесообразным законодательно закрепить примерный перечень обстоятельств, которые могут признаваться уважительными причинами неявки (болезнь лица или его близких родственников, стихийные бедствия, задержка транспорта и тому подобное).

Сложности вызывает и реализация института временного отстранения от должности. УПК РФ не содержит четкого перечня должностных лиц, к которым может быть применена данная мера, а также не регламентирует предельные сроки отстранения. Фактически лицо может быть отстранено от должности на весь период расследования, что не во всех случаях является оправданным и необходимым. Кроме того, закон не предусматривает обязательного участия лица при решении вопроса о его отстранении, хотя это напрямую затрагивает его права и законные интересы.

Наиболее острые дискуссии в науке и на практике вызывает применение такой меры как наложение ареста на имущество. С одной стороны,

необходимость ее применения сложно оспорить, поскольку она направлена на обеспечение прав потерпевших от преступления и реализацию конфискационных последствий [24].

С другой стороны, масштабы и продолжительность ареста зачастую оказываются явно несоразмерными причиненному ущербу или стоимости потенциально конфискуемого имущества. Как показывает практика, нередко арест налагается на все имеющееся у лица имущество, включая единственное жилье и предметы обычной домашней обстановки, что ставит его и членов его семьи на грань выживания. При этом срок действия ареста может исчисляться годами, до вступления приговора в законную силу [63].

В качестве одного из путей решения указанных проблем в литературе предлагается установление в законе максимальных сроков действия ареста на имущество [34], а также возможности его замены менее обременительными мерами (например, залогом).

Кроме того, следует предусмотреть специальную процедуру наложения ареста на единственное жилье обвиняемого, подозреваемого с обязательным предоставлением ему замещающего жилого помещения из муниципального фонда. Это позволит обеспечить соблюдение конституционного права на жилище.

Проблемы применения вызывает и такая мера как денежное взыскание. Несмотря на ее выраженный карательный характер, УПК РФ не устанавливает четких критериев определения ее размера, предоставляя этот вопрос на полное усмотрение суда. Это создает риски наложения несоразмерных, «неподъемных» для граждан штрафов за относительно небольшие нарушения порядка судопроизводства. Представляется, что в законе должны быть закреплены как минимальные, так и максимальные размеры денежных взысканий в привязке к тяжести допущенных нарушений.

Еще одним спорным моментом является невозможность самостоятельного обжалования таких мер как временное отстранение от должности и наложение ареста на имущество до вынесения итогового

судебного решения по делу. Лицо, чьи права и законные интересы нарушены их применением, может обратиться в суд только одновременно с обжалованием приговора, что лишает данные меры оперативности и эффективности. В связи с этим целесообразно в УПК РФ возможность их обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ непосредственно после их избрания.

Подводя итог, следует отметить, что иные меры процессуального принуждения являются важным элементом в системе обеспечения надлежащего порядка уголовного судопроизводства. Они позволяют процессуальную дисциплину участников процесса, получать доказательства, гарантировать возмещение причиненного преступлением ущерба.

Вместе с тем их применение связано с ограничением конституционных прав граждан, поэтому должно осуществляться строго на основании закона и при наличии к тому достаточных оснований. Дальнейшее развитие данного института должно идти по пути более четкой законодательной регламентации порядка и условий применения отдельных мер, установления критериев их соразмерности, расширения возможностей судебной защиты прав лиц, в отношении которых они применяются. Только такой подход позволит максимально сбалансировать частные и публичные интересы в сфере уголовного судопроизводства.

Глава 3 Проблемы и перспективы совершенствования института мер уголовно-процессуального принуждения

3.1 Проблемы применения мер уголовно-процессуального принуждения в современной правоприменительной практике

Применение мер уголовно-процессуального принуждения является одним из наиболее острых и дискуссионных вопросов современной правоприменительной практики. С одной стороны, данные меры выступают важнейшим инструментом реализации назначения уголовного судопроизводства, обеспечивая надлежащее поведение участников процесса и создавая необходимые условия для установления истины по делу. С другой стороны, их применение всегда связано с ограничением конституционных прав и свобод личности, поэтому должно осуществляться на строго правовой основе с соблюдением установленных законом гарантий.

К сожалению, анализ следственной и судебной практики последних лет свидетельствует о наличии целого ряда проблем в сфере применения мер уголовно-процессуального принуждения. Одной из наиболее острых является проблема необоснованного и чрезмерно широкого применения самой строгой из предусмотренных законом мер пресечения - заключения под стражу. Статистические материалы, представленные Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, демонстрируют, что в течение 2024 года судебными органами было принято положительное решение по 88 процентам заявлений следственных органов об избрании меры пресечения в виде содержания под стражей [60]. Существенная доля данных решений приходилась на лиц, которым инкриминировались деяния, относящиеся к категориям небольшой и средней степени общественной опасности.

Подобное положение дел представляется проблематичным с точки зрения соблюдения принципов уголовного судопроизводства. Согласно положениям статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской

Федерации, содержание под стражей допускается исключительно при условии невозможности применения менее строгих мер процессуального принуждения. Тем не менее, правоприменительная деятельность демонстрирует систематическое отступление от данного законодательного императива. Должностные лица органов предварительного расследования проявляют тенденцию к механическому обращению в судебные инстанции с запросами об избрании ареста, при этом не представляя достаточной аргументации относительно нецелесообразности использования иных предусмотренных законом мер. А суды в свою очередь некритично удовлетворяют подавляющее большинство таких ходатайств, ограничиваясь формальной мотивировкой.

В результате тысячи граждан (в отношении которых не доказана их вина) оказываются в СИЗО на долгие месяцы без достаточных на то оснований, будучи оторванными от семей, работы, привычной жизни. Это не только причиняет им и их близким непоправимые нравственные и материальные страдания, но и негативно сказывается на ходе расследования, затрудняя получение оправдательных доказательств и ставя под сомнение добровольность данных ими показаний.

Порядок судебного разбирательства по вопросам применения ареста как меры пресечения и пролонгации периода нахождения лица в следственном изоляторе является привычной практикой для представителей адвокатского сообщества России, однако данная процедура содержит существенные недостатки и требует оптимизации.

Согласно нормативным предписаниям статьи 99 УПК РФ, при принятии решения о применении меры пресечения и выборе ее конкретного вида в отношении лица, привлекаемого к уголовной ответственности, необходимо принимать во внимание различные факторы, среди которых особое место занимает степень общественной опасности инкриминируемого деяния. Анализ судебной деятельности показывает, что данный критерий фактически

приобретает доминирующее значение при вынесении соответствующих процессуальных решений.

Складывается парадоксальная ситуация: судебный орган выносит значимое процессуальное решение об избрании наиболее строгой меры пресечения, основываясь на квалификации деяния, предложенной стороной обвинения, при этом не имея возможности провести полноценную проверку обоснованности выдвинутых обвинений, что фактически ставит суд в зависимость от позиции органов предварительного расследования, имеющих собственный процессуальный интерес [18].

Помимо прочего, практика избыточного применения ареста в отношении лиц, подозреваемых в совершении деяний небольшой и средней тяжести, приводит к критическому увеличению численности контингента в учреждениях предварительного заключения, что порождает риски для физического благополучия и безопасности находящихся там граждан. Согласно информации Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, количество лиц, содержащихся в следственных изоляторах, превышает отметку в сто тысяч человек [15].

Проблема превышения установленной вместимости учреждений предварительного заключения продолжает оставаться актуальной для ряда субъектов Российской Федерации, включая Республики Карелия и Крым, а также Воронежскую, Московскую, Ростовскую, Смоленскую области, Краснодарский край и город федерального значения Москву. Несмотря на то, что в 2023 году удалось добиться двукратного сокращения числа переполненных изоляторов.

В результате реализованных организационных и практических мероприятий удалось достичь снижения количества учреждений с превышением нормативной численности более чем наполовину - на 52 процента. Однако проблема перенаселенности остается нерешенной в 22 следственных изоляторах, расположенных на территории восьми регионов, среди которых вышеупомянутые субъекты Федерации [6].

В таких условиях крайне сложно обеспечить арестованным надлежащие материально-бытовые условия, качественное питание и медицинское обслуживание.

Дополнительным проблемным аспектом в области реализации института процессуального принуждения выступает ограниченное применение мер пресечения, не связанных с помещением лица в следственный изолятор, в частности - ограничения по месту жительства, внесения денежного обеспечения, наложения запретов на совершение определенных действий. Указанные правовые институты были инкорпорированы в уголовно-процессуальное законодательство России с целью снижения нагрузки на пенитенциарные учреждения и внедрения индивидуализированного подхода при выборе мер процессуального воздействия, однако их практическая востребованность остается на низком уровне.

Согласно статистическим показателям, предоставленным Судебным департаментом, в период с января по сентябрь 2024 года наблюдался рост использования такой меры пресечения как запрет совершения определенных действий на 15,5 процента [67], одновременно с этим количество случаев применения ограничения свободы в форме домашнего ареста продемонстрировало снижение на 4,5 процента.

Количество граждан, подвергнутых ограничению свободы передвижения в форме домашнего ареста, превысило двадцатитысячную отметку (для сравнения: в 2023 году данный показатель составлял 21 тысячу), тогда как число лиц, в отношении которых были установлены запреты на совершение конкретных действий, достигло пятнадцати тысяч (по сравнению с тринадцатью тысячами в предыдущем году) [7]. Столь низкая востребованность данных мер объясняется как недостаточной технической оснащенностью правоохранительных органов для осуществления контроля за их соблюдением, так и отсутствием у следователей и судей должной мотивации к применению новых институтов.

В результате складывается парадоксальная ситуация - имея достаточно широкий набор мер пресечения, правоприменитель по-прежнему предпочитает использовать самую жесткую из них, игнорируя принцип индивидуализации процессуального принуждения. Это не только нарушает права обвиняемых, но и затрудняет реализацию назначения уголовного судопроизводства, поскольку чрезмерное принуждение нередко толкает даже невиновных на самооговор и создание ложных доказательств.

В разъяснениях высшей судебной инстанции, содержащихся в Постановлении Пленума от 19.12.2013 № 41, посвященном вопросам применения норм о мерах пресечения, акцентируется внимание на обязательности судебной проверки наличия в представленных материалах фактических данных, свидетельствующих о связи конкретного лица с расследуемым деянием. Судебный орган должен не только установить наличие таких сведений в процессуальных документах, но и произвести их критический анализ с отражением результатов оценки в выносимом решении [54].

Дополнительно следует отметить правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации, изложенную в определении от 24.03.2015 № 676-О, согласно которой существующий порядок судебного санкционирования ареста как меры пресечения исключает возможность предварительного установления судом виновности лица в совершении вменяемого ему противоправного деяния [41].

Серьезной проблемой является и недооценка правоприменителем значения судебного контроля в механизме применения мер уголовно-процессуального принуждения. Несмотря на то, что действующий УПК РФ существенно расширил роль суда в данной сфере, передав ему полномочия по санкционированию ареста, домашнего ареста, залога и ряда иных мер, качество осуществления данной функции пока остается невысоким.

Как показывает анализ судебной практики, в большинстве случаев суды не утруждают себя подробным исследованием фактических обстоятельств,

положенных следователями в обоснование необходимости применения той или иной меры пресечения, удовлетворяя ходатайства автоматически. При этом ни доводы защиты, ни ссылки на семейное положение, наличие малолетних детей, состояние здоровья обвиняемого по существу не проверяются и не получают оценки. Все это превращает судебную процедуру избрания мер принуждения в формальность и не позволяет ей стать реальной гарантией законности и обоснованности ограничения прав личности.

Отдельно следует сказать и о проблемах применения мер уголовно-процессуального принуждения к отдельным категориям лиц, обладающим процессуальными иммунитетами. Речь идет о несовершеннолетних, беременных женщинах, инвалидах, а также лицах, обладающих международной или внутригосударственной неприкосновенностью. Практика показывает, что в отношении данных лиц нередко допускаются нарушения при избрании мер пресечения, не всегда учитываются их особенности и не создаются необходимые условия для реализации дополнительных гарантий.

Так, при решении вопроса о заключении под стражу несовершеннолетних суды нередко игнорируют требования ч. 2 ст. 108 УПК РФ о допустимости применения данной меры лишь в случае их обвинения в тяжком или особо тяжком преступлении. Имеют место случаи содержания несовершеннолетних в СИЗО совместно со взрослыми, что категорически недопустимо. В отношении беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до 3-х лет, вопреки запрету ч. 1 ст. 108 УПК арест порой избирается без учета наличия исключительных обстоятельств, а альтернативные меры не рассматриваются в принципе.

Применение же мер принуждения в отношении спецсубъектов (судей, прокуроров, следователей, адвокатов, депутатов и др.) зачастую наталкивается на obstruction со стороны должностных лиц и органов, от которых зависит получение согласия на их осуществление. В результате в отношении данной категории лиц меры пресечения применяются гораздо реже, чем к обычным гражданам, даже если для этого имеются веские основания.

Все эти проблемы свидетельствуют о наличии серьезных дефектов в механизме нормативного регулирования и практического применения мер уголовно-процессуального принуждения. В их основе лежат как недостатки законодательства (пробелы, противоречия, отсутствие четких критериев), так и сложившиеся стереотипы, и обвинительный уклон в деятельности органов расследования и судов.

Представляется, что для преодоления указанных негативных тенденций требуется комплекс системных мер. В числе первоочередных шагов можно назвать:

- законодательное закрепление приоритета прав личности при избрании меры пресечения, введение презумпции применения более мягкой меры;
- конкретизацию в УПК оснований применения отдельных мер, установление критериев их необходимости и соразмерности;
- усиление судебного контроля за законностью и обоснованностью избрания и продления меры пресечения, введение стандартов доказывания необходимости заключения под стражу и активной роли суда в исследовании фактических обстоятельств;
- расширение использования залога и домашнего ареста за счет увеличения технической оснащенности ФСИН современными средствами контроля;
- дифференциацию процессуального статуса отдельных категорий обвиняемых, установление дополнительных гарантий при избрании к ним мер пресечения;
- исключение возможности обхода судебного порядка санкционирования ареста под предлогом предварительного задержания;
- усиление прокурорского надзора и ведомственного контроля за законностью применения мер принуждения органами расследования.

Только на этой основе возможно добиться реальной переориентации отечественной правоприменительной практики в сфере уголовно-процессуального принуждения в русло приоритета прав личности, повышения ее эффективности и соразмерности.

3.2 Международный опыт применения мер уголовно-процессуального принуждения

Вопрос достижения разумного соотношения между необходимостью обеспечения эффективности уголовного преследования и соблюдением фундаментальных прав граждан в контексте реализации мер процессуального воздействия сохраняет свою значимость как для российской правовой системы, так и для правопорядков иных государств. Международное сообщество выработало обширную практику законодательного закрепления и правоприменительной реализации институтов процессуального принуждения, изучение которой может способствовать совершенствованию национального законодательства.

В государствах континентальной Европы вопросы применения мер процессуального принуждения [27] регламентируются как в специальных законах (например, в ФРГ действует Закон о судопроизводстве по уголовным делам [77]), так и в единых кодифицированных актах (УПК Франции, Австрии и др.). В них, как правило, содержится упорядоченная система мер принуждения, подробно регулируются основания и порядок их избрания, предусматриваются процессуальные гарантии прав личности.

Примечательно, что в большинстве стран Европы ключевая роль в санкционировании применения мер принуждения отведена не суду, а прокурору. Именно прокурор дает согласие следственному судье на производство обыска, ареста имущества, заключение под стражу и продление ее срока. Суд же рассматривает лишь жалобы на решения прокурора. При этом

в ряде случаев допускается задержание и заключение под стражу подозреваемого и без судебного решения, если этого требуют обстоятельства.

Так, УПК Франции предусматривает, что судебная полиция вправе задержать для допроса лицо, в отношении которого имеются серьезные и согласующиеся признаки участия в совершении преступления, на срок до 48 часов с возможным продлением еще на такой же срок с согласия прокурора. Обжаловать законность задержания подозреваемый может лишь *post factum*.

В качестве меры пресечения французским законодательством закрепляется «судебный контроль», по содержанию аналогичный российскому запрету определенных действий. Он состоит в возложении на обвиняемого ряда ограничений и обязанностей (являться по вызовам, не покидать определенную территорию, воздерживаться от общения с определенными лицами, сдать паспорт и др.). Применение «судебного контроля» не связано с лишением свободы, но за его нарушение обвиняемый может быть заключен под стражу [78].

Схожая модель действует и в большинстве постсоветских стран, правовые системы которых близки к российской (Казахстан [74], Беларусь [73], Кыргызстан [72] и др.). В них предварительное следствие также осуществляется под надзором прокурора, санкционирующего большинство мер процессуального принуждения. Суд выступает как вторичный контрольный орган, проверяющий по жалобам законность и обоснованность уже примененных мер.

В то же время там активно внедряются новые, не связанные с лишением свободы меры пресечения. Так, УПК Казахстана закрепляет в качестве таковых залог, личное поручительство, наблюдение командования воинской части, отдачу несовершеннолетнего под присмотр [74]. В Беларуси среди мер пресечения предусмотрены домашний арест и залог [73].

Анализ опыта этих стран показывает, что, хотя ограничение роли суда в применении мер принуждения и вызывает нарекания с точки зрения гарантий прав личности, в целом данная модель позволяет обеспечить оперативность и

процессуальную экономию уголовного судопроизводства. В то же время для ее эффективного функционирования необходим действенный прокурорский надзор, а также детальная законодательная регламентация полномочий прокурора и суда с целью исключения злоупотреблений.

Несколько иначе построен механизм применения мер процессуального принуждения в странах англосаксонской правовой семьи (США, Великобритании, Канаде, Австралии). Там ведущая роль в решении данного вопроса отведена суду, причем применение наиболее строгих мер (заключения под стражу, домашнего ареста) возможно лишь по судебному решению. Полиция и прокуратура могут лишь кратковременно задерживать подозреваемого до доставления его в суд [11].

Кроме того, англо-американская модель характеризуется широким использованием альтернативных мер пресечения, не связанных с лишением свободы. В их числе залог (возможный по большинству категорий преступлений), электронный мониторинг, комендантский час, обязательство проживать по определенному адресу, сдать паспорт, пройти курс лечения или консультаций и др. Определение надлежащей меры пресечения осуществляется судебным органом на основе дискреционных полномочий, при этом во внимание принимаются такие факторы, как степень общественной опасности инкриминируемого деяния, характеристика личности привлекаемого к ответственности лица, его семейный статус и наличие устойчивых социальных контактов.

Правовые системы англосаксонской традиции базируются на принципе первичности защиты индивидуальных прав при принятии решений о мерах процессуального принуждения. Помещение лица в условия предварительного заключения трактуется как крайняя мера, допустимая исключительно при отсутствии альтернативных способов обеспечения процессуальной дисциплины обвиняемого. Суд не вправе применять арест автоматически даже при рассмотрении дел о тяжких посягательствах, будучи обязанным в каждой

конкретной ситуации анализировать индивидуальные факторы, относящиеся к личности привлекаемого к ответственности субъекта [59].

В своих прецедентных решениях высшая судебная инстанция Соединенных Штатов Америки последовательно формулировала правовую позицию о том, что наличие разумных оснований подозревать лицо в совершении криминального деяния не может рассматриваться как самодостаточное условие для применения ареста [64]. Судебному органу надлежит установить фактическое существование рисков уклонения обвиняемого от участия в процессуальных действиях либо продолжения им противоправной активности. При этом тяжесть предъявленного обвинения имеет второстепенное значение. Первичным же является принцип презумпции невиновности и вытекающее из него правило о том, что до вынесения приговора обвиняемый должен оставаться на свободе.

Указанный подход представляется вполне оправданным как с позиций обеспечения прав личности, так и эффективности уголовного судопроизводства. Он позволяет индивидуализировать уголовно-процессуальное принуждение, избегать излишнего ограничения прав граждан, добиваться их сотрудничества с правосудием. Несомненным плюсом англосаксонской модели является и последовательное проведение принципа состязательности, выражающееся в четком разграничении функций следствия, прокурорского надзора и судебного контроля.

Безусловно, механический перенос зарубежных институтов на российскую правовую почву вряд ли возможен и целесообразен в силу различий процессуальных форм и условий. В то же время критическое осмысление и адаптация некоторых апробированных в других странах подходов к применению мер процессуального принуждения, могли бы способствовать оптимизации и гуманизации отечественного механизма правового регулирования [26] [83]. В частности, заслуживают внимания такие аспекты, как:

- законодательная конкретизация ограничительных условий применения наиболее строгих мер (ареста, домашнего ареста), установление формализованных критериев их необходимости и соразмерности;
- дифференциация процессуального статуса субъектов, к которым применяются меры принуждения (несовершеннолетних, инвалидов, беременных женщин и др.), закрепление дополнительных гарантий их прав;
- расширение системы альтернативных заключению под стражу мер пресечения (залога, электронного наблюдения, обязательства проживания и др.), повышение их удельного веса в структуре принудительных мер;
- усиление роли суда как гаранта законности и обоснованности применения мер принуждения, установление стандартов доказывания их необходимости;
- обеспечение процессуальных прав обвиняемого, в отношении которого решается вопрос об избрании меры пресечения (права на информацию, на юридическую помощь, на участие в судебном заседании, обжалование);
- включение в УПК РФ положений о приоритете прав личности и соблюдении презумпции невиновности при избрании меры пресечения, закрепление критериев ее индивидуализации.

Последовательное внедрение этих и других апробированных международной практикой элементов в российское законодательство и правоприменение позволило бы существенно повысить уровень обеспечения прав личности в сфере уголовно-процессуального принуждения, преодолеть сохраняющийся здесь обвинительный уклон и формализм, оптимизировать досудебное производство.

3.3 Пути совершенствования правового регулирования мер уголовно-процессуального принуждения в российском законодательстве

Исследование актуальных проблем применения мер уголовно-процессуального принуждения позволяет сформулировать ряд предложений по совершенствованию правового регулирования указанного института. В современных условиях особую значимость приобретает необходимость обеспечения баланса между публичными интересами уголовного судопроизводства и защитой прав и свобод лиц, вовлеченных в орбиту уголовного процесса.

Проведенный анализ правоприменительной практики свидетельствует о наличии ряда проблемных аспектов в нормативном регулировании и практической реализации мер уголовно-процессуального принуждения. В первую очередь следует отметить необходимость совершенствования правового регулирования отдельных видов мер принуждения, а также механизмов обеспечения прав лиц, к которым применяются данные меры[4].

Важным направлением совершенствования института задержания подозреваемого является устранение существующей неопределенности в разграничении понятий фактического и процессуального задержания. В настоящее время законодатель использует понятие «фактическое задержание» в п. 15 ст. 5 УПК РФ, определяя его как момент фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления. Однако конкретные процедуры фиксации момента фактического задержания остаются недостаточно регламентированными, что создает определенные трудности в правоприменительной практике [3].

В связи с этим представляется обоснованным дополнить ст. 91 УПК РФ положениями, детально регламентирующими процедуру фактического задержания, включая требования к фиксации времени и обстоятельств такого задержания. Данная новелла позволит не только обеспечить более

эффективную защиту прав задержанных лиц, но и создаст дополнительные гарантии законности действий сотрудников правоохранительных органов.

Также требует дополнительной регламентации вопрос о правовом статусе лица в период между фактическим задержанием и составлением протокола задержания. Следует законодательно закрепить перечень прав, которыми обладает лицо с момента фактического задержания, а также порядок их разъяснения и обеспечения. В частности, целесообразно предусмотреть обязанность должностных лиц, осуществляющих задержание, незамедлительно разъяснять задержанному лицу его права, включая право на защиту, право хранить молчание, право на уведомление близких о факте задержания.

Проблемный аспект в регулировании задержания связан также с недостаточно четкой регламентацией оснований задержания, предусмотренных ч. 2 ст. 91 УПК РФ. Формулировка «иные данные, дающие основание подозревать лицо в совершении преступления» является достаточно размытой и создает предпосылки для необоснованного ограничения прав граждан. В связи с этим представляется обоснованным конкретизировать указанное основание задержания, определив более четкие критерии оценки достаточности данных для подозрения лица в совершении преступления [12].

При рассмотрении вопросов оптимизации нормативной регламентации института мер пресечения приоритетное значение приобретает развитие механизмов, не связанных с изоляцией лица от общества. Анализ статистической информации, аккумулируемой Судебным департаментом при высшем судебном органе страны, демонстрирует доминирование ареста среди избираемых мер процессуального воздействия, что противоречит основополагающему принципу минимальной достаточности процессуального принуждения.

Институт запрета совершения определенных действий, инкорпорированный в перечень мер пресечения в 2018 году [35], является

прогрессивным правовым инструментом, обеспечивающим реализацию задач уголовного процесса без применения крайней формы ограничения свободы в отношении лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Вместе с тем, результативность применения данного института требует модернизации системы мониторинга исполнения наложенных ограничений.

Представляется обоснованным внесение в статью 105.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации дополнительных норм, конкретизирующих механизм надзора за выполнением установленных ограничений, включая применение электронных и иных технических средств мониторинга. Дополнительно имеет смысл рассмотреть вопрос о расширении субъектного состава должностных лиц, уполномоченных принимать решения об избрании данной меры пресечения, включив в их число следователей (при наличии согласования с руководством следственного подразделения) и дознавателей (при одобрении прокурора), что будет способствовать более широкому внедрению этого института в правоприменительную практику.

Изучение материалов судебной деятельности указывает на низкую результативность использования института внесения имущественного обеспечения в качестве меры процессуального принуждения. Невзирая на длительную историю существования залога в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве, начиная с советского периода, частота его практического применения остается минимальной [67].

Для повышения эффективности залога как альтернативы заключению под стражу необходимо совершенствование механизма определения размера залога с учетом имущественного положения обвиняемого (подозреваемого), а также расширение возможностей внесения залога. В частности, целесообразно предусмотреть возможность внесения залога в виде недвижимого имущества, ценных бумаг, а также возможность поэтапного внесения залога.

В контексте совершенствования правового регулирования домашнего ареста следует обратить внимание на необходимость более четкой регламентации содержания данной меры пресечения. Действующая

законодательная дефиниция домашнего ареста характеризует его как пребывание лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, в условиях полной или частичной социальной изоляции в пределах жилого помещения (часть первая статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). Спецификация накладываемых ограничений осуществляется судебным органом исходя из конкретных обстоятельств рассматриваемого дела [14].

Такая дискреционность судебных решений создает предпосылки для неоправданно широкого усмотрения при определении содержания ограничений, что может приводить к нарушению принципа соразмерности ограничений правам и свободам личности. В связи с этим представляется целесообразным дополнить ст. 107 УПК РФ более детализированным перечнем возможных ограничений, а также критериями их избрания с учетом личности подозреваемого (обвиняемого) и обстоятельств дела.

Существенным аспектом модернизации нормативной базы института процессуального принуждения выступает необходимость конкретизации условий и процедур реализации мер принудительного характера, закрепленных в главе 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Особого внимания заслуживает детализация механизма применения института временного отстранения от исполнения служебных обязанностей.

В соответствии с положениями статьи 114 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в ее актуальной редакции, основанием для временного отстранения от занимаемой должности служит обоснованное предположение о возможности лица, привлекаемого к уголовной ответственности, использовать свое служебное положение для продолжения противоправных действий либо создания препятствий расследованию.

В связи с этим представляется обоснованным дополнить ст. 114 УПК РФ положениями, определяющими критерии оценки достаточности оснований для временного отстранения от должности, включая такие факторы, как

характер и тяжесть инкриминируемого деяния, возможность злоупотребления должностными полномочиями, а также наличие фактов препятствования производству по уголовному делу.

Помимо оптимизации нормативной регламентации конкретных видов мер процессуального воздействия, значимость приобретает корректировка базовых положений, определяющих общие правила их применения. Представляется необходимым нормативное закрепление принципа минимальной достаточности процессуального принуждения, согласно которому приоритет должен отдаваться наименее ограничительным мерам, обеспечивающим реализацию задач уголовного процесса [16] [31].

Указанное правило целесообразно инкорпорировать в содержание статьи 7 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующей принцип законности, в виде дополнительного критерия правомерности процессуальных решений о применении принудительных мер. Одновременно необходимо установить для уполномоченных субъектов требование обосновывать в своих решениях невозможность достижения процессуальных целей посредством менее строгих ограничений.

Отдельного внимания заслуживает совершенствование механизмов контроля за законностью и обоснованностью применения мер уголовно-процессуального принуждения. Основным механизмом такого контроля является судебное санкционирование применения мер принуждения, значительно ограничивающих конституционные права граждан, а также возможность обжалования соответствующих решений в порядке, предусмотренном главой 16 УПК РФ.

Тем не менее, систематическое наблюдение за правоприменительной деятельностью демонстрирует недостаточную результативность действующих контрольных механизмов в части обеспечения надлежащей защиты прав граждан, подвергаемых мерам процессуального воздействия. В связи с этим представляется целесообразным усиление роли прокурорского надзора за законностью применения мер уголовно-процессуального

принуждения, в том числе путем наделения прокурора полномочиями по отмене незаконных решений о применении мер принуждения [19].

Кроме того, следует рассмотреть возможность введения в УПК РФ института периодического судебного контроля за применением мер процессуального принуждения, в рамках которого суд по собственной инициативе или по ходатайству сторон мог бы проверять наличие оснований для продолжения применения мер принуждения.

Важным аспектом совершенствования правового регулирования мер уголовно-процессуального принуждения является обеспечение доступа к эффективным средствам правовой защиты для лиц, к которым применяются указанные меры. В настоящее время основным средством правовой защиты является возможность обжалования решений о применении мер принуждения в порядке, предусмотренном главой 16 УПК РФ.

Вместе с тем, результативность указанного правозащитного инструмента снижается вследствие пробелов в процессуальной регламентации порядка разрешения обращений, оспаривающих применение принудительных мер, а также ввиду несвоевременности судебного рассмотрения подобных жалоб.

В связи с этим представляется целесообразным дополнить статью 125 УПК РФ положениями, устанавливающими сокращенные сроки рассмотрения жалоб на решения о применении мер процессуального принуждения, а также определяющими подробный порядок рассмотрения таких жалоб, включая требования к содержанию судебного решения [22].

Наконец, важным направлением совершенствования правового регулирования мер уголовно-процессуального принуждения является унификация оснований и порядка применения схожих по своей правовой природе мер принуждения. Целесообразным видится установление единообразных процедурных правил для таких мер пресечения как ограничение на совершение определенных действий, изоляция в жилом помещении и содержание под стражей в аспектах, связанных с исчислением

временных периодов их действия и процессуальным порядком пролонгации установленных сроков.

В заключение необходимо отметить, что совершенствование правового регулирования мер уголовно-процессуального принуждения должно основываться на глубоком анализе правоприменительной практики, учете международных стандартов в области защиты прав человека, а также на сбалансированном подходе к обеспечению интересов уголовного судопроизводства и защите прав лиц, вовлеченных в орбиту уголовного процесса.

Предложенные в настоящем исследовании пути совершенствования правового регулирования мер принуждения направлены на создание более эффективной и сбалансированной системы уголовно-процессуального принуждения, отвечающей современным требованиям защиты прав и свобод личности.

Заключение

На основе поставленной цели настоящей бакалаврской работы и поставленных задач, представленных в Введение, мы можем сделать следующие выводы.

Рассматривая понятие и правовую природу мер уголовно-процессуального принуждения, мы констатировали, что меры уголовно-процессуального принуждения неразрывно связаны с ограничением конституционных прав и свобод граждан.

Правовая природа мер уголовно-процессуального принуждения определяется несколькими ключевыми аспектами. Во-первых, эти меры имеют государственно-властный характер, поскольку применяются от имени государства специально уполномоченными органами.

Во-вторых, меры уголовно-процессуального принуждения имеют временный характер.

В-третьих, применение мер уголовно-процессуального принуждения допускается только при наличии предусмотренных законом оснований.

В-четвертых, меры уголовно-процессуального принуждения носят обеспечительный характер. Их целью является создание необходимых условий для эффективного осуществления уголовного судопроизводства.

В-пятых, необходимо отметить правосстановительный характер некоторых мер уголовно-процессуального принуждения.

Между тем меры уголовно-процессуального принуждения как сложное правовое явление, обусловленное необходимостью обеспечения баланса между публичными интересами эффективного расследования и правосудия и частными интересами защиты прав и свобод человека. Эти меры применяются строго в рамках закона, при наличии предусмотренных законом оснований, уполномоченными на то органами и должностными лицами, с соблюдением принципов соразмерности и презумпции невиновности, что обеспечивает их

легитимность и соответствие конституционным и международным стандартам в области прав человека.

Изучение истории развития института мер уголовно-процессуального принуждения в российском законодательстве показало нам, что зарождение мер принуждения берет свое начало с Русской Правды, в последующем свое развитие они получили в Судебниках 1497 и 1550 годов, Соборном уложении 1649 г., но особо следует отметить разработанный, но фактически не принятый при Екатерине II «Наказ комиссии о составлении проекта нового Уложения» 1767 года, содержащий в себе прогрессивные идеи о необходимости соблюдения прав обвиняемого и умеренности при применении мер принуждения.

Новый этап развития мер принуждения берет свое начало с принятия и вступления в силу Устава уголовного судопроизводства 1864 года существенно модернизировал и систематизировал порядок применения мер процессуального принуждения.

С приходом к власти большевиков вновь меняется подход к мерам процессуального принуждения.

В целом, история развития института мер уголовно-процессуального принуждения в российском законодательстве отражает эволюцию представлений о балансе между публичными и частными интересами в уголовном судопроизводстве.

Характеристика система и классификация мер уголовно-процессуального принуждения, нам показала, что в российском законодательстве представляет собой сложный, многоуровневый комплекс правовых средств, направленных на обеспечение надлежащего хода уголовного судопроизводства. Ее структура и содержание определяются необходимостью обеспечения баланса между публичными интересами борьбы с преступностью и защиты частных интересов личности. Эта система характеризуется внутренней дифференциацией, позволяющей в каждом

конкретном случае выбрать наиболее эффективную и в то же время наименее ограничительную меру процессуального принуждения

Рассмотрение задержания как меры уголовно-процессуального принуждения позволяет нам констатировать, что данная мера занимает важное место в системе мер процессуального принуждения. Ее особенность заключается в том, что она может быть применена на ранних этапах уголовного судопроизводства, когда еще отсутствуют достаточные доказательства для предъявления обвинения и избрания меры пресечения. При этом задержание имеет строго определенные цели, основания и порядок применения, что обеспечивает баланс между интересами правосудия и защитой прав личности

Изучая меры пресечения в системе мер уголовно-процессуального принуждения, мы пришли к выводу, что институт мер пресечения в системе уголовно-процессуального принуждения играет важную роль в обеспечении надлежащего поведения участников уголовного судопроизводства и решении задач уголовного процесса. Вместе с тем их применение сопряжено с существенными ограничениями прав и свобод личности, что требует установления строгих законодательных гарантий от необоснованного и чрезмерного принуждения

Обращение внимания на иные меры процессуального принуждения, мы констатировали, что они являются важным элементом в системе обеспечения надлежащего порядка уголовного судопроизводства. Они позволяют процессуальную дисциплину участников процесса, получать доказательства, гарантировать возмещение причиненного преступлением ущерба. Вместе с тем их применение связано с ограничением конституционных прав граждан, поэтому должно осуществляться строго на основании закона.

Относительно проблемы применения мер уголовно-процессуального принуждения, можем сказать, что серьезной проблемой является и недооценка правоприменителем значения судебного контроля в механизме применения мер уголовно-процессуального принуждения. Несмотря на то, что

действующий УПК РФ существенно расширил роль суда в данной сфере, передав ему полномочия по санкционированию ареста, домашнего ареста, залога и ряда иных мер, качество осуществления данной функции пока остается невысоким.

Представляется, что для преодоления указанных негативных тенденций требуется комплекс системных мер. В числе первоочередных шагов можно назвать:

- законодательное закрепление приоритета прав личности при избрании меры пресечения, введение презумпции применения более мягкой меры;
- конкретизацию в УПК оснований применения отдельных мер, установление критериев их необходимости и соразмерности;
- усиление судебного контроля за законностью и обоснованностью избрания и продления меры пресечения, введение стандартов доказывания необходимости заключения под стражу и активной роли суда в исследовании фактических обстоятельств;
- расширение использования залога и домашнего ареста за счет увеличения технической оснащенности ФСИН современными средствами контроля;
- дифференциацию процессуального статуса отдельных категорий обвиняемых, установление дополнительных гарантий при избрании к ним мер пресечения;
- исключение возможности обхода судебного порядка санкционирования ареста под предлогом предварительного задержания;
- усиление прокурорского надзора и ведомственного контроля за законностью применения мер принуждения органами расследования.

Кроме того, проблемой остается отсутствие в законе четкого механизма компенсации за незаконное задержание - лицо вынуждено обращаться в суд в

порядке гражданского судопроизводства, что существенно затягивает восстановление нарушенных прав. Целесообразно предусмотреть упрощенную процедуру компенсации морального вреда за каждые сутки незаконного задержания по аналогии с компенсацией за нарушение права на судопроизводство в разумный срок.

В соответствии с положениями статьи 114 УПК РФ в ее актуальной редакции, основанием для временного отстранения от занимаемой должности служит обоснованное предположение о возможности лица, привлекаемого к уголовной ответственности, использовать свое служебное положение для продолжения противоправных действий либо создания препятствий расследованию.

В связи с этим представляется обоснованным дополнить ст. 114 УПК РФ положениями, определяющими критерии оценки достаточности оснований для временного отстранения от должности, включая такие факторы, как характер и тяжесть инкриминируемого деяния, возможность злоупотребления должностными полномочиями, а также наличие фактов препятствования производству по уголовному делу.

Помимо оптимизации нормативной регламентации конкретных видов мер процессуального воздействия, значимость приобретает корректировка базовых положений, определяющих общие правила их применения. Представляется необходимым нормативное закрепление принципа минимальной достаточности процессуального принуждения.

Указанное правило целесообразно инкорпорировать в содержание статьи 7 УПК РФ, регламентирующей принцип законности, в виде дополнительного критерия правомерности процессуальных решений о применении принудительных мер. Одновременно необходимо установить для уполномоченных субъектов требование обосновывать в своих решениях невозможность достижения процессуальных целей посредством менее строгих ограничений

Следует также подчеркнуть, что важным аспектом совершенствования правового регулирования мер уголовно-процессуального принуждения является обеспечение доступа к эффективным средствам правовой защиты для лиц, к которым применяются указанные меры. В настоящее время основным средством правовой защиты является возможность обжалования решений о применении мер принуждения в порядке, предусмотренном главой 16 УПК РФ.

Вместе с тем, результативность указанного правозащитного инструмента снижается вследствие пробелов в процессуальной регламентации порядка разрешения обращений, оспаривающих применение принудительных мер, а также ввиду несвоевременности судебного рассмотрения подобных жалоб.

В связи с этим представляется целесообразным дополнить статью 125 УПК РФ положениями, устанавливающими сокращенные сроки рассмотрения жалоб на решения о применении мер процессуального принуждения, а также определяющими подробный порядок рассмотрения таких жалоб, включая требования к содержанию судебного решения

В целом, совершенствование правового регулирования мер уголовно-процессуального принуждения должно основываться на глубоком анализе правоприменительной практики, учете международных стандартов в области защиты прав человека, а также на сбалансированном подходе к обеспечению интересов уголовного судопроизводства и защите прав лиц, вовлеченных в орбиту уголовного процесса.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Адаменко И.Е., Тушев А.А., Семенцов В.А. Уголовно-процессуальная деятельность: системообразующие основания и компоненты: монография. Москва : Юрлитинформ, 2021. 280 с.
2. Арсентьева С.С., Савченко А.Н. Оценка меры пресечения в виде запрета определенных действий в качестве альтернативы заключению под стражу // Вестник экономической безопасности. 2020. № 4. С. 89-93.
3. Большаков Е.В. Задержание лица по подозрению в совершении преступления как условие приобретения статуса подозреваемого. // Конкурс Молодых учёных: сборник статей IV Международного научно-исследовательского конкурса. Пенза : «Наука и Просвещение», 2020. С. 160-164.
4. Борзенкова К.Ю. Проблемные аспекты меры пресечения в виде запрета определенных действий. // Поколение будущего: Взгляд молодых ученых - 2018: сборник научных статей 6-й Международной молодежной научной конференции: в 4 томах. Том 2. Курск : Юго-Западный государственный университет, 2018. С. 61-64.
5. Булатова Б.Б., Баранова А.М. Уголовный процесс: учебник. 9-е изд., перераб. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2023. 567 с.
6. В России более чем вдвое снизилось число переполненных СИЗО [Электронный источник] / URL: <https://ria.ru/20240321/sizo-1934695722.html> (дата обращения: 29.04.2025).
7. В РФ стали чаще применять меру пресечения мягче домашнего ареста [Электронный источник] / URL: <https://tass.ru/obschestvo/22916707> (дата обращения: 23.04.2025).
8. Вершинина С. И. О совершенствовании института мер пресечения, предусмотренного главой 13 УПК РФ // Журнал российского права. 2017. № 6(246). С. 115-125.

9. Вершинина С.И. О чрезмерности применения заключения под стражу. // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 3. С. 18-24

10. Вершинина С.И. О юридической природе, понятии и системе уголовно-процессуального принуждения. Журнал российского права. 2016. № 5 (233). С. 90-98.

11. Гайнов И. Д. Сравнительно-правовой анализ механизма реализации мер уголовно-процессуального принуждения. Вестник Казанского юридического института МВД России. 2012. № 2 (8). С. 60-66.

12. Голубцова К. И. Особенности системы электронного мониторинга подконтрольных лиц в зарубежных странах // Вестник Кузбасского института. 2018. № 2 (35). С. 25-31.

13. Гриненко А. В. Уголовный процесс: учебник и практикум. 9-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 323 с.

14. Заключение под стражу – исключительная мера [Электронный источник] / URL : <https://fparf.ru/news/fpa/zaklyuchenie-pod-strazhu-isklyuchitelnaya-mera/> (дата обращения: 17.04.2025).

15. Замглавы Минюста раскрыл статистику по арестантам, содержащимся в СИЗО [Электронный источник] / URL : <https://ria.ru/20240627/minyust-1955858233.html> (дата обращения: 04.05.2025).

16. Замуруева Е.Ю. Экономия уголовно-процессуального принуждения при выборе мер пресечения. // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 1(94). С. 144-152.

17. Захарцев С.И. Избрание и применение мер пресечения при производстве предварительного расследования: проблемы правоприменительной практики. Вестник Воронежского института МВД России. 2018. № 1. С. 99-102.

18. Защита обязана посеять сомнения [Электронный источник] / URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/zashchita-obyazana-poseyat-somneniya/> (дата обращения: 27.04.2025).

19. Иовлева А. С. О некоторых вопросах отмены или изменения меры пресечения в виде запрета определенных действий. Актуальные проблемы юриспруденции: сборник статей по материалам LIII международной научно-практической конференции. Том 12 (52). Новосибирск: Сибирская академическая книга, 2021. С. 16-21

20. Каримова С. С. Денежное взыскание как иная мера уголовно-процессуального принуждения. Общество и право. 2016. № 2 (56). С. 253-257.

21. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 28 апреля 2022 г. № 222-УД22-13-А6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 4.

22. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 28 сентября 2023 г. № 78-УД23-21-А2 [Электронный источник] / URL : <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?BASENODE=g3&req=doc&cacheid=3EF18F1FF00AA7122B68D4237F9D5E1D&mode=searchcard&base=ARB&n=780827&rnd=lpqEUg#jMDt0kUonkYDyk272> (дата обращения: 24.04.2025).

23. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 [Электронный источник] / URL : <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 27.04.2025)

24. Кравец А.В., Чухраев Д.А. Процессуальные проблемы наложения ареста на имущество в уголовном судопроизводстве // Молодой ученый. 2024. № 5 (504). С. 268-269.

25. Кригер Н. В. Фактическое и процессуальное задержание лица подозреваемого в совершении преступления // Молодой ученый. 2017. № 21 (155). Т.1. 98-101

26. Куликов М. А. Меры пресечения по законодательству Российской Федерации и иных государств романо-германской правовой семьи (континентальной системы права): специальность 12.00.09 «Уголовный

процесс»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2020. 230 с.

27. Куликов М. А. Основания применения мер пресечения в России и зарубежных государствах // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 2. С. 147-151.

28. Мальцагов И. Д., Штымова О. Х. Прокурорский надзор за избранием мер пресечения // Государственная служба и кадры. 2021. № 2. С. 162-164

29. Манджиева Е.В. Иные меры процессуального принуждения в системе средств принудительного характера в уголовном судопроизводстве России: специальность 12.00.09 «Уголовный процесс»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2020. 258 с.

30. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17, ст. 291.

31. Мельников В.Ю., Абдулкадирова Х.Д. Меры уголовно-процессуального принуждения. Том II: учебное пособие. Ростов-на-Дону : Ростовский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. 449 с.

32. Михайлов В. А. Меры пресечения в Российском уголовном процессе. Москва: Право и закон, 1996. 299 с.

33. Наказ Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового уложения [Электронный источник] / URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/nakaz_ekat2(дата обращения: 27.07.2025).

34. Никифорова Е. Ю., Меженина Е. В. О сроках и пределах наложения ареста на имущество при производстве по уголовному делу // Сибирское юридическое обозрение. 2020. Т. 17, № 2. С. 237-242

35. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста: Федеральный закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ [Электронный источник] / URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 19.06.2025).

36. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: Закон Российской Федерации от 23 мая 1992 г. № 2825-1 (утратил силу) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 25, ст. 1389.

37. О суде: Декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. (утратил силу) // СУ РСФСР. 1917. № 4, ст. 50.

38. Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик: Закон СССР от 25 декабря 1958 г. (утратил силу) // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1, ст. 15.

39. Обзор практики рассмотрения судами ходатайств о наложении ареста на имущество по основаниям, предусмотренным частью 1 статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 марта 2019 г. [Электронный источник] / URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?BASENODE=g7&req=doc&cacheid=84E90BF527FB218E7AC0FB223E67805B&mode=searchcard&base=ARB&n=576613&rnd=lpqEUg#llvr0kUe6qRK1KLd1> (дата обращения: 21.04.2025).

40. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2011 г. № 1026-О-О [Электронный источник] / URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?BASENODE=1-1&req=doc&cacheid=3E02E2A53A2822E1DEAAC043453A3FD6&mode=searchcard&base=LAW&n=119496&rnd=56187534AC06181E24FFFBFDA2E8EAF8#IWqg0kUfVtE6vnAI> (дата обращения: 23.04.2025).

41. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 марта 2015 г. № 676-О [Электронный источник] / URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=D1EBCA18D2407A341DBE157298D9EC14&mode=searchcard&base=ARB&n=423871&BASENODE=IiLiMiwyMDMsQVJCQSiLiLCiMiwyLEFSQiLiIg&rnd=Gr2lbw#ItJbVnU8ykGhcA352> (дата обращения: 29.04.2025).

42. Петров А. В. Существенные нарушения уголовно-процессуального кодекса // Актуальные проблемы права: материалы IV Международной научной конференции. Москва : Буки-Веди, 2015. С. 219-222.

43. Постановление ЕСПЧ от 03 марта 2011 г. «Дело «Царенко (Tsarenko) против Российской Федерации» (жалоба № 5235/09) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 4.

44. Постановление ЕСПЧ от 08 ноября 2005 г. «Дело «Худоеров (Khudoerov) против Российской Федерации» (жалоба № 6847/02) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. № 7.

45. Постановление ЕСПЧ от 15 декабря 2013 г. «Дело «Евгений Гусев (Yevgeniy Gusev) против Российской Федерации» (жалоба № 28020/05) // Российская хроника Европейского Суда. 2014. № 2.

46. Постановление ЕСПЧ от 24 июля 2003 г. «Дело «Смирновы (Smirnova) против Российской Федерации» (жалобы № 46133/99 и 48183/99) // Бизнес-адвокат. 2003. № 20.

47. Постановление ЕСПЧ от 25 октября 2007 г. «Дело «Лебедев (Lebedev) против Российской Федерации» (жалоба № 4493/04) // Российская хроника Европейского Суда. 2008. № 2.

48. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 марта 2018 г. № 12-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 14. Ст. 2027.

49. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 27. Ст. 2882.

50. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2011 г. № 1-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 6. Ст. 897.

51. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 14, ст. 1271.

52. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 мая 2023 г. № 25-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 22, ст. 3997.

53. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 ноября 2017 г. № 30-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 49, ст. 7528.

54. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 (ред. от 27.05.2025) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Российская газета. 2013. 27 декабря

55. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 02 ноября 2016 г. № 97П16 [Электронный источник] / URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?BASENODE=g1&req=doc&cacheid=8CD430A54566CEF4ACA107E7597A469B&mode=searchcard&base=ARB&n=485484&rnd=LfphuA#3zH3eiUHRu8cXDOD> (дата обращения: 12.04.2025).

56. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 07 сентября 2016 г. № 85П16 [Электронный источник] / URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?BASENODE=g1&req=doc&cacheid=84EA4F8D6FA4257A6865119AA69ECC4F&mode=searchcard&base=ARB&n=485475&rnd=LfphuA#nLu3eiUJTGCnIky1> (дата обращения: 12.04.2025).

57. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2017 г. № 234П17 [Электронный источник] / URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?BASENODE=g1&req=doc&cacheid=4845E0E5C73C3CCAC25D9899016456DC&mode=searchcard&base=ARB&n=527397&rnd=LfphuA#YTH2eiUOI04t69Wk> (дата обращения: 12.04.2025).

58. Россинский С. Б. Протокол - лишнее звено в механизме задержания лица по подозрению в совершении преступления // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 12(97). С. 150-165.

59. Рустамов А.А. Сравнительно-правовой анализ запрета определенных действий по уголовно- процессуальному законодательству Российской

Федерации и стран англосаксонской правовой системы // Academy. 2019. № 3. С. 14-19.

60. С начала года суды удовлетворили 88% ходатайств следствия о заключении под стражу [Электронный источник] / URL: <https://www.mk.ru/social/2024/12/03/s-nachala-goda-sudy-udovletvorili-88-khodataystv-sledstviya-o-zaklyuchenii-pod-strazhu.html> (дата обращения: 29.04.2025).

61. Слепухина Д.А. существенные нарушения уголовно-процессуального закона // Перспективы развития науки и образования: материалы Международной (заочной) научно-практической конференции. Нефтекамск : Научно-издательский центр «Мир науки» (ИП Вострецов Александр Ильич), 2021. С. 417-421.

62. Соборное уложение 1649 года [Электронный источник] / URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2001/>(дата обращения: 27.07.2025).

63. Соколов К.А., Тузов А.Г. Вопросы правоприменительной практики наложения ареста на имущество в уголовном процессе России // Вестник науки. 2021. Т. 1, № 7 (40). С. 51-68.

64. Стойко Н.Г., Семухина О.Б. Уголовный процесс в США: учебное пособие. Красноярск : Краснояр. гос. ун-т., 2000. 315 с.

65. Судебник 1497 г. [Электронный источник] / URL:<https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sudebник1497>(дата обращения: 27.07.2025)

66. Судебник 1550 г. [Электронный источник] / URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sudebник1550>(дата обращения: 27.07.2025).

67. Судебный департамент при Верховном Суде РФ [Электронный источник] / URL: <https://cdep.ru/index.php?id>. (дата обращения: 23.04.2025).

68. Судебный процесс в России в XVIII веке. Краткое изображение процессов и судебных тяжб 1715 г. [Электронный источник] / URL: <https://scrpe.ru/J.php?A=31>(дата обращения: 27.07.2025).

69. Судницын А.Б., Воронов Д.А. Законность и обоснованность избрания и применения меры пресечения в виде заключения под стражу : учебное пособие. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2020. 64 с.

70. Тургаев С. Ж. Задержание как мера процессуального принуждения // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2018. № 1(42). С. 76-80.

71. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): учебник / под ред. А. В. Гриненко. 6-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. 576 с.

72. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 129 (ред. от 14.03.2025) [Электронный источник] / URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36639004 (дата обращения: 23.04.2025).

73. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 года № 295-3 (ред. от 17.02.2025) [Электронный источник] / URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958 (дата обращения: 10.05.2025).

74. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V (ред. от 24.05.2025 г.) [Электронный источник] / URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 27.05.2025).

75. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 07.06.2025) [Электронный источник] / URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 19.06.2025).

76. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. (утратил силу) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40, ст. 592.

77. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия - Strafprozessordnung (StPO) - Научно-практический комментарий и

перевод текста закона П. Головненкова и Н. Спицы. – Москва : Проспект, 2012. 408 с.

78. Уголовно-процессуальный кодекс Франции. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004. 411 с.

79. Уголовно-процессуальный кодекса РСФСР от 15 февраля 1923 г. (утратил силу) // СУ РСФСР. 1923. № 7, ст. 106.

80. Уголовно-процессуальный кодекса РСФСР от 25 мая 1922 г. (утратил силу) // СУ РСФСР. 1922. № 20 - 21, ст. 230.

81. Усачев А. А. Уголовный процесс: учебник. 6-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 392 с.

82. Устав уголовного судопроизводства 1864 года [Электронный источник] / URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/>(дата обращения: 27.07.2025).

83. Хорьяков С. Н. Основания применения мер пресечения в России и зарубежных государствах: от теории к практике // Российский следователь. 2020. № 4. С. 78-80.

84. Шараева Я. А. Проблемные вопросы применения меры принуждения в виде денежного взыскания в уголовном процессе // Юристъ-Правоведъ. 2020. № 2(93). С. 149-153

85. Швецова Т. М. Понятие, условия, порядок задержания // Молодой ученый. 2020. № 13 (303). С. 178-180.

86. Шекшуева О. Н. Некоторые проблемы института иных мер процессуального принуждения // Вестник Поволжского института управления. 2019. Т. 19, № 4. С. 41-55.

87. Шихшаидов М. П. Задержание как мера уголовно-процессуального принуждения // Молодой ученый. 2022. № 24 (419). С. 297-299.